

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

МЕНТАЛИСТЫ
И ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
КНИГА 4

Алла Гореликова
Менталисты и Тайная
Канцелярия. Книга 4:
Лето без милосердия

<https://litres.ru/74192498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, где идет тайная и явная борьба за постепенно исчезающую магию. Придворные интриги, таинственные преступления и самая обыкновенная девушка, которая постоянно оказывается не в то время не в том месте. И начальник Тайной Канцелярии, к проблемам которого только одной попаданки и не хватало

Четвертая, заключительная книга тетралогии. Серия полностью закончена!

Внимание! Раньше книга публиковалась под псевдонимом Алена Кручко!

Содержание

ГЛАВА 1, в которой король занят дипломатией, а дамы — любовью, как своей, так и чужой	4
ГЛАВА 2, в которой Реннар фор Гронтеш наконец-то отправляется на войну	18
ГЛАВА 3, в которой в салонах Линда становится модным писать письма, а у торгового представителя Андара обнаруживается талант не только к торговле	32
ГЛАВА 4, в которой граф Варрен фор Циррент собирался пойти домой и лечь спать, а вместо этого отправился во дворец будить короля	50
ГЛАВА 5, в которой далекая война сначала мешает делам любовным, а затем помогает	66
ГЛАВА 6, в которой сухопутные офицеры знакомятся с морской магией	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Алла Гореликова

Менталисты и Тайная Канцелярия. Книга 4:

Лето без милосердия

ГЛАВА 1, в которой король занят дипломатией, а дамы — любовью, как своей, так и чужой

После небывало ранней весны никто в Андаре не удивился столь же раннему и жаркому лету. Селяне, правда, сетовали на нехватку влаги, и в Гильдию магов уже полетели прошения с общим мотивом «дождика бы», но жители столицы были, наоборот, вполне довольны погодой. Салонные посиделки успели изрядно надоесть за зиму, теперь же хотелось на природу — кататься в открытых колясках по набережной, устраивать пикники за городом, а время светских визитов проводить не в гостиных, а в увитых цветущими розами садовых беседках.

Чайный клуб графини Дарианы фор Ганц тоже перебрался из гостиной в сад. Беседка вряд ли вместила бы всех го-

стей, но садовник отличился, устроив над одной из лужаек крышу из винограда. Разумеется, все понимали, что за неполный месяц никак невозможно добиться такого без магии, но это служило лишь еще одним поводом для гордости хозяйки и зависти прочих.

— И тут она заявляет: «Конечно, не у каждой есть неофициальные связи в Гильдии», — пересказывала дама Дариана разговор с одной из завистниц. — При этом, вообразите, «неофициальные» звучит настолько драматично, будто у меня там не двоюродный племянник, милый и скромный мальчик, а, по меньшей мере, любовник!

— А на племянника ограничительный эдикт не распространяется? — шепотом спросила Женья у тетушки.

— Все очень просто, — ничуть не смущаясь и не приглушая голоса, ответила та. — Племянник милейшей Дарианы еще учится, а ученикам положены учебные задания.

— И правда, просто, — согласилась Женья. — Роскошный повод для зависти, когда не хватает мозгов пойти и договориться с кем нужно, чтобы и твой сад послужил учебным пособием.

— А между тем, дорогая Джегейль, это вполне законный путь, — дама Дариана тонко улыбнулась и взяла вафельку. Вафли были еще одним «трендом сезона». Мягкие и хрустящие, с кремом и вареньем, вафельные рожки с мороженым и вафельные трубочки, имитирующие знаменитые линденские — тетушка Гелли, качая головой, говорила о них: «Не

то!» — но Женя особой разницы не замечала.

— Ах, дамы, скажите лучше, куда подевалась наша милая Нелль? — свернула на новую тему дама Розалия. — Ее не видно с самого Весеннего Перелома, как раз с тех пор, как прошел слух сначала о помолвке малютки Мирабель, а после — о ее скоропалительном замужестве.

«Ну конечно, разве можно обойти вниманием такую тему, — усмехнулась про себя Женя. — Мирабель ди Тонншэре, главная сенсация этой весны... ну ладно, главная номер два, после внезапной помолвки графа фор Циррента с собственной двоюродной племянницей». На Женин взгляд, Мирабель стоило бы называть не «милой малюткой», а скорее уж «начинающей стервочкой». В ночь Весеннего Перелома эту «первую красавицу среди столичных невест» видели в обнимку с неким королевским гвардейцем, и тут же прошел слух, что парочка не ограничилась совместным кругом холо. Женя прекрасно помнила объяснения тетушки Лили-Унны: в ночь Весеннего Перелома достаточно паре объявить себя мужем и женой перед огнем, небом и деревом, и этот брак никто не сумеет оспорить. Древняя традиция, на которую до сих пор ведутся романтично настроенные дурочки...

Мирабель ди Тонншэре дурочкой отнюдь не была. Уж если она решилась на подобный брак, причины должны быть достаточно вескими.

Собравшиеся дамы рассуждали примерно так же, вот только фактов для построения рассуждений не хватало —

редкий случай для компании записных сплетниц! Известно было, что к Мирабель сватался некий дворянин из провинции, к непомерной знатности коего прилагалось вполне соразмерное чванство. Говорили, что жених не понравился ни матери, ни дочери, а вот отец семейства, сам по части происхождения малость подкачавший, счел партию почетной и выгодной.

Могло ли быть так, что Мирабель бросилась в объятия первого попавшегося из влюбленных в нее мужчин, лишь бы избежать немилого супружества? Или праздничная ночь лишь поставила точку в тайном романе, сделав его явным?

Если бы спросили Женю — то есть, простите, виконтессу Джегейль фор Циррент, она сказала бы: «Да какая разница! Выбрала девушка, кого пожелала, и слава богу, пусть живут, лишь бы после не пожалели. В любом случае, это головная боль самой девушки, ее новоиспеченного мужа, родителей, но не всего столичного общества!» Но поди скажи здесь такое!

Помолвку самой Джегейль обсуждали в свете не менее бурно. Хорошо, что они с дядюшкой Варреном не стали спешить со свадьбой «по древним традициям»! Да, Женя все никак не могла отучиться называть будущего мужа дядюшкой, хотя и сама понимала, как смешно это звучит. Впрочем, его забавляло, а она... ну, привыкнет рано или поздно. Просто слишком уж резко все переменялось. Как будто до ночи Перелома Женя сама не понимала, что собственное: «Мне

бы такого, как дядюшка, да где ж такого найдешь!» — на самом деле означает: «Я бы вышла за него и только за него, если бы можно было». Оказалось — можно, родство считается достаточно дальним, и это до сих пор удивляло. Как и то, что Варрен тоже не просто «питал к ней чувства», как высокопарно пишут в здешних романах, а...

Женя, не удержавшись, покачала головой и улыбнулась. Когда Варрен признался в своих мыслях и сомнениях на ее счет, она только и сказала: «Мы с тобой два сапога пара».

— О чем это вы, милочка, замечтались с такими сияющими глазами? — спросила, помешивая ложечкой чай, дама Розалия. — Не иначе, о собственной скорой свадьбе?

— Почти, — Женя вздохнула: лучше добровольно удовлетворить любопытство дам, подав при этом все в нужном ключе, чем слушать потом самые дикие сплетни, непонятно откуда выросшие. — А если честно, признаюсь вам, дама Розалия, я до сих пор удивляюсь, как мы оба с Варреном так долго не замечали взаимных чувств. Конечно, у него государственные дела, служба короне, тут не до того, чтобы страдать от любви, а я счастлива была уже тем, что обрела семью, но все же...

— Ах, милочка, чему удивляться! Вы еще так юны, неопытны, а Варрен... это же мужчины! Поверьте, дорогая, кого ни возьми! хоть кавалеры и дамские угодники, хоть, вроде вашего Варрена, все в службе и в делах, те и другие одинаково слепы, когда речь идет об истинных чувствах!

Право же, чтобы они заметили неладное, любовь должна упасть им на голову, как камень с неба! Меньшего эти чурбаны не поймут.

Женя подавила смешок. По меркам этого мира она не так уж юна — еще не старая дева, но и не «едва начавший распускаться бутон», как выражаются местные донжуаны и романисты. А с теми самыми «едва начавшими распускаться» ей было невыносимо скучно, и короткое знакомство с обществом местных невест так и не переросло хотя бы в приятельство. Зато ехидство дам из кружка графини фор Ганц оказалось... родным, что ли? Веяло от него чем-то домашним, то ли посиделками за чаем в обеденный перерыв на работе, то ли бабульками на лавочке у подъезда, по которым Женя теперь даже скучала, хотя всегда старалась побыстрее пробежать мимо. То ли вовсе чатиком для узкого круга... да ведь по сути так оно и есть!

А еще забавно было знать, что именно отсюда идет добрая половина столичных слухов. И до короля доходит, а как же! Вот и пусть... подавится! А то ишь, придумал — выдать Джегейль фор Циррент за собственного внука, не спросив ни внука, ни ее! Хорошо еще, что Ларк вполне вменяемый парень, хоть и принц. Сейчас и вспомнить смешно, каким надутым индюком казался поначалу, но ведь затея его королевского величества, чтоб ему сейчас икалось, едва не разрушила дружбу Жени с Ларком, ни к чему не обязывающую и тем приятную для обоих.

Ничего, вот вернется с войны, его тут поджидает во всех отношениях приятная воздыхательница — юная, слегка взбалмошная, разумная и добрая красавица Сильви, к тому же сестра его лучшего друга. А Женя с радостью посмотрит на их роман со стороны, еще и поспособствует по мере сил и возможностей. Раз уж выбор будущей королевы относится к вопросам государственной важности. В конце концов, женщина из семьи фор Циррент обязана быть патриоткой, верно?

— Выбор будущей королевы, разумеется, относится к вопросам государственной важности, но именно поэтому Андарский королевский дом не намерен торопиться. Меня не интересует ваше предложение, моего внука оно не заинтересует тем более.

Его величество Дионн-Горрент Мореплаватель прошелся по кабинету, демонстративно не глядя на посетителя. Граф дель Фарагатто, чрезвычайный и полномочный посол Одара, испросил аудиенции «по вопросу о прекращении войны на взаимовыгодных условиях», однако взаимной выгоды в его предложениях король не видел. Скорей наоборот: одарцы останутся в прежних границах и при нынешней военной силе, получают обратно захваченных магов и прочих пленных, пристроят свою принцессу за лучшего из всех имеющихся

сейчас женихов, а после, на правах родичей, еще и запросят сотрудничества — читай «доступа к военным и магическим секретам».

— Но, ваше величество, будьте снисходительны, дайте молодым хотя бы возможность узнать друг друга. Кто знает, вдруг сложится не только политический союз, но и союз двух любящих сердец?

Слышать эдакую чушь от прожженного политика было, по меньшей мере, смешно. Король помедлил, бесцеремонно разглядывая одарца: волевое лицо, умные глаза, ниточка усов над тонкими губами, резкие скулы. Смугл, худощав и жилист, что выдает толику бедуинской крови. Прадед графа промышлял пиратством и в жены взял красавицу-дикарку, отбитую с корабля какого-то шейха. Сильная кровь, и не только во внешности — все дель Фарагатто бойцы, дуэлянты и авантюристы, путешественники, не признают спокойной жизни, не оглядываются на закон. Бесстрашны и дерзки. Отправлять такого послом с откровенно дурацким предложением? Скорее это лишь предлог; и что же ему нужно в Андаре на самом деле?

— Полагаю, любящее сердце мой внук сумеет найти и поближе. Однако, граф, у меня есть встречное предложение, каковое я прошу вас донести до вашего сюзерена в точности и как можно быстрее.

Граф дель Фарагатто поклонился, прижав ладонь к сердцу: знак готовности исполнить монаршую волю, какой бы та

ни была.

— Я весь внимание, ваше величество.

— Ее высочество Эстельина — не единственная принцесса Одара. Мы готовы взять одну из ее младших сестер за муж за высокородного дворянина, приближенного к будущему королю, но не имеющего абсолютно никаких прав на корону. Спорные земли идут в приданое молодой семье и таким образом перестают быть спорными. Да, граф, не делайте удивленное лицо, предполагаемый жених достаточно отличился перед андарской короной, чтобы отдать столь лакомый кусок под его управление. Уверяю вас, мы готовы высоко оценить честь, оказанную принцессой Одара одному из наших подданных. Что же касается прочих ваших предложений... — король выдержал паузу, вновь измерив шагами кабинет. Никогда прежде его так сильно не раздражала пресловутая дипломатическая неприкосновенность. Вывернуть бы наглицу мозги наизнанку! — Маги, захваченные в окрестностях Неттуэ, в Одар не вернутся. Война еще не была объявлена, их судили по законам мирного времени, и, поверьте, оснований для суда нашлось предостаточно. Приговор даже слишком мягок. Касаемо же прочего — договоримся. Я полагаю, тщательное обсуждение условий разумно начинать, когда будет достигнуто принципиальное согласие.

— Ваше величество, — граф поклонился вновь, ниже прежнего. — Я понял вашу позицию и донесу ее до моего сюзерена. Позвольте еще спросить, согласится ли Андар на

временное перемирие до переговоров?

— На время переговоров, как это и принято во все времена, — поправил король. — А до того — пока не идут переговоры, идет война.

Вот так, и только так. Король Андара не отдаст вам за бесценок преимущество, вырванное, можно сказать, зубами — отчаянным броском Ларка через горы, сумасшедшими вылазками его людей, усилиями Тайной Канцелярии и магов Гильдии. Погодите, вот еще флот подоспеет... два флота — морской и воздушный. Сами пощады запросите!

Король Андара был миролюбив, но вовсе не отличался излишним милосердием, и пришла пора напомнить это неумным соседям.

— Пощады! — Женя хохотала, уворачиваясь от разошедшейся Сильвии. — Спасите! Я щекотки боюсь! Сдаюсь! — она упала на траву, и довольная Сильвия тут же уселась рядом. С растрепавшейся прической, сияющими глазами и широкой, совершенно детской улыбкой, она притягивала взгляд не глянцевою красотой признанных красавиц, а милой девичьей простотой. «Ларк дураком будет, если не оценит», — невольно подумала Женя, и тут же фыркнула: бедолага принц и знать не знает, что его снова заочно женили. Правда, на этот раз не король, но тем хуже для принца: короли пусть

занимаются государственными делами, а в делах любовных удача просто обязана быть на стороне женщин.

— Хорошо, что тетушка Лили-Унна не видит, — Сильвия подобрала юбки и потянулась сорвать едва начавший распускаться густо-фиолетовый колокольчик.

— А что мы делаем такого, что не понравится тетушке? — удивилась Женя.

— Ну как же! Неподобающе! Некрасиво двум юным дамам скакать по саду, уподобившись глупым козам, и валяться на траве, рискуя испортить платье!

Последняя фраза получилась настолько точно с интонациями тетушки Лили-Унны фор Гронтеш, и впрямь отличавшейся редкостным занудством и чопорностью, что Женя снова фыркнула и, не выдержав, рассмеялась. Сказала сквозь смех заговорщицким шепотом:

— То, о чем твоя тетушка не знает, ее не опечалит. Нас здесь только двое, и мы никому не скажем!

— А знаешь, мне кажется, она влюбилась.

— Кто?!

— Да тетушка же, — Сильвия прибавила к фиолетовому цветку нежно-лиловый и ярко-розовый, прислонила к платью: — Мне пойдет?

— Красиво, — слегка ошарашено ответила Женя. Представить старшую барышню, а вернее, старую деву фор Гронтеш — влюбленной! — не получалось совсем. Никак. Хотя, конечно, Женя не настолько близко ее знала, чтобы судить

безошибочно... может, за внешней чопорностью таится мечтательная натура, которой только подавай романтику? — И кто же, по-твоему, покори́л ее недоступное сердце?

— Да этот же, — Сильвия забавно хмурилась, вспоминая, и прищелкивала пальцами: — Этот, друг господина Варрена, который из полиции.

— Фенно-Дераль? Серьезно?! Никогда бы не подумала. Хотя ей подходит, почему бы и нет. Он такой суровый и весь в работе, его боится половина столицы, — Женя мечтательно прищурилась, подумав вдруг, что все это можно сказать и о Варрене. — Надо же, оказывается, у нас с твоей тетушкой схожие вкусы.

— Ой! Она едет! — за оградой мягко проплыла карета с гербом фор Гронтешей на дверце, Сильвия вскочила и принялась отряхивать и расправлять платье. Женя встала:

— Не бойся, нас оттуда не видно, розы прикрывают. Но ты права, лучше пойти встретить.

— Может, письмо? От Рени или отца, — Сильвия вздохнула. — Тетушка ведь обещала забрать меня вечером, еще рано.

Женя стряхнула с ее юбки прилипшие травинки.

— Что гадать, сейчас узнаем. Пойдем.

Лили-Унна фор Гронтеш и впрямь не стала бы забирать племянницу раньше обещанного. Она всей душой одобряла, что Сильвия проводит время с будущей мачехой и «сестрицей Джегейль», считая, что те хорошо влияют на взбалмош-

ную «несносную девчонку». К тому же Эбигейль фор Цир-рент куда легче ввела бы в общество свою будущую падчерицу, чем Лили-Унна, почти всю жизнь безвылазно просидевшая в родовом замке. Хотя в общество Сильви не рвалась, заявив с достойной отца-адмирала твердостью:

— Мой первый бал будет тот, на котором я смогу танцевать с принцем Ларком!

Обе тетушки тогда рассмеялись, а Женя, обняв упрямо вскинувшую подбородок девочку, сказала:

— И очень даже правильно! Что за спешка? Пусть дождет-ся приличных кавалеров.

Пока же Сильвия ждала не кавалеров, а писем от отца и брата, и Женя старалась не касаться лишней раз этой темы.

— Тетя, письмо? — выпалила девочка, едва войдя в гостиную.

— От Реннара, — Лили-Унна протянула свернутый плотный лист. — Читай, дорогая, это твое.

— Здравствуй, сестренка! — Сильви, простая душа, и не подумала скрывать написанное, начала читать вслух, да еще и с выражением, как в школе на уроке. — Со мной все благополучно и даже, я бы сказал, скучно. В то время как на юге жарко и столько возможностей отличиться, у нас здесь изо дня в день одно и то же, и я, пожалуй, скоро покроюсь плесенью. Надеюсь, ты не скучаешь в столице, как я здесь, а то с тетушки станется закрыть тебя в доме, чтобы не набралась дурного от столичных вертихвосток, — Сильвия подня-

ла голову от письма, с улыбкой взглянула на обеих тетушек и сказала: — Рени бывает такой смешной, правда? — И продолжила: — Хочу думать, что я еще успею совершить в этой войне что-нибудь более героическое, чем мои нынешние заботы, пусть они сто раз нужны и даже необходимы. Право же, мне стыдно будет гордиться работой в тылу, в то время как все мои друзья сражаются. Очень по тебе скучаю, напиши, чем ты занимаешься, как проводишь время, не присмотрела ли еще жениха. С любовью, твой братец Рени.

«Вот уж точно, юноша бледный со взором горящим», — подумала Женя, но вслух говорить не стала: Сильви всей душой любила своего «братца Рени», а сейчас еще и скучала, насмешки будут совсем не ко времени.

— Интересно, что у него за скучные заботы, — Лили-Унна поджала губы. — Мог бы и подробней написать.

Женя мягко обняла Сильвию, которая, кажется, тоже хотела бы письмо подлиннее:

— Если не написал подробно, значит, не только «нужные и необходимые», но и секретные. Может даже, поважней тех самых подвигов, которые он так рвется совершать. Вряд ли твоего брата послали бы заниматься ерундой, верно, Сильви?

ГЛАВА 2, в которой Реннар фор Гронтеш наконец-то отправляется на войну

Реннар фор Гронтеш знал, что делает нужное, даже необходимое для короны дело. Понимал, что именно его труды и заботы могут принести победу в войне. И все же тосковал. Не хватало опасности и азарта боя, напряженных часов до сражения, когда выверялось до тонкости, все ли готово и учтено, и разнузданных, пьяных ночей после победы. Друзей не хватало! На его воздушной верфи тоже собрались неплохие люди, и со многими он приятельствовал, но месяц-другой знакомства, даже испытанного общим делом, все равно не сравнить с дружбой, скрепленной боями.

Реннар хотел на юг, туда, где сражается сейчас армия Ларка. Но верфь была его — не из гордости и не ради красного словца. Его забота, его детище. Ларк ждал первую партию воздушных шаров и экипажей к ним. И шары, и люди были готовы, осталось дожидаться обещанных кораблей — отправлять решили морем. А Реннар фор Гронтеш ждал не только кораблей, но и решения своей судьбы. Король обещал прислать нового коменданта, но на такое дело подбирать человека нужно с особым тщанием, да и сам Реннар не хотел бы бросить поднятое с нуля, вросшее в душу — на кого попало.

Не приведи небо, явится какой-нибудь чванный осел вроде тех, что заседают у короля в штабе! Начнет нос драть, обидит мастеров, а то и магов... Нет, в своих людях Реннар фор Гронтеш был уверен, ни с каких обид они не начнут вредить и пакостить, но это ведь не повод... Да самый распоследний безродный работяга, который трудился здесь с самого начала, сейчас ценней, чем все те ослы, вместе взятые! Хотелось верить, что его величество тоже это понимает. Да не может он такого не понимать!

Так что Реннар вовсе не был уверен, что отправится на юг этим, первым рейсом.

А хотелось! До зубовного скрежета хотелось самому показать Ларку, чего добился, как выучил экипажи, какие тактики придумали и отработали. Испытать себя и шары в настоящем деле. Увидеть, какие лица станут у тех, кто увидит летающий шар впервые! Ларк расскажет, но это ведь уже не то...

Курьер из столицы заставил сердце замереть и ухнуть куда-то в живот. Всего лишь курьер, гонец с письмом, и никакого нового коменданта. Реннар смотрел на королевскую печать на пакете, и руки подрагивали. Боялся открывать, как будто не письмо привезли, а приговор. Еще несколько мгновений надежды — вдруг обещанный комендант едет следом? Или заканчивает дела на прежнем месте, где бы оно ни было... Реннар уговаривал себя, что в письме будет именно это, а сам все больше уверялся, что король не нашел никого под-

ходящего, а то и не искал даже, и прикажет ему оставаться на верфи и дальше. Не в обычае его величества срывать с места тех, кто отлично справляется с порученным делом и уже изучил все тонкости и подводные камни. Тем более с такого сложного и необходимого для короны дела.

— Господин! Господин, там!.. — Реннар поднял голову на крик. — Там у ворот... вас спрашивают! — белобрысый Гил, сын одного из мастеров, вечно вертелся то у ворот, то возле мастерских, и всегда готов был сбегать с мелким поручением. Мечтал попасть в армию, да не абы куда, а в тот самый воздушный флот, который создавался здесь на его глазах. Реннару мальчишка нравился. Не хочет отцово ремесло перенимать — ну так что ж, не у всех семейные таланты проявляются в должной мере, а что за мастер получится, если ни таланта, ни желания, зато шило в заднице о-го-го какое? Он уже поговорил и с самим Гилом, и с его отцом, пообещал взять мальчика пока что к себе, присмотреться, а как подрастет — видно будет.

— Иду, — Реннар с облегчением спрятал нераспечатанное письмо. Можно и вечером прочитать, а сейчас у него дела, некогда отвлекаться! В конце концов, курьер не выглядел взмыленным и не упоминал о какой-то особой срочности.

Курьер из столицы выглядел таким же взмыленным, как

его лошадь.

— Ваше высочество, — он покачнулся и тут же выпрямился, достал письмо с королевской печатью: — Срочное.

— Спасибо. Отдыхай, — Ларк скрылся от лишних глаз в палатке и вскрыл дедово послание.

С четверть часа ушло на то, чтобы разобрать шифр, после чего принц выругался сквозь зубы и велел ординарцу созвать штаб.

Новости не радовали. Переговоры? Да к дьяволу, какие могут быть переговоры — сейчас?! Впрочем, дед и сам это понимал. Обещал тянуть время, насколько получится, а уж как отсрочкой распорядиться, Ларк знал. Время в этой войне решало если не все, то многое. Стоило рискнуть переходом через горы не в сезон, и андарское войско лавиной упало на побережье, перерезая торговые пути, захватывая верфи и склады, принимая ключи от мелких приморских городков. Их не ждали так рано, грех было не воспользоваться преимуществом внезапности. Соглашаться сейчас на переговоры — глупость! Все равно что предложить: «Подтягивайте свои полки, ведите флот, а мы подождем».

Говоря по чести, Ларк на месте деда отказал бы категорически. Но...

Дед это предвидел. Так и писал: «Знаю, ты на моем месте не поддержал бы эту игру. Однако надеюсь, что к тому времени, когда и впрямь окажешься на моем месте, ты поймешь если не прелесть дипломатических войн, то хотя бы их вы-

году. Делай свое дело, внук, и знай, чем лучше справишься ты, тем больше сумею выиграть я».

— Спасибо, хоть от невесты отказался, — пробормотал Ларк. Прочее было понятно, хотя необходимость еще больше ускориться не радовала. Пусть цели очевидны, и ближайшие планы вполне ясны, и данные разведки подтверждают, что каждый день сейчас даже не на вес золота — еще дороже. Есть предел. Он и так с начала кампании не давал людям отдыха. И так рисковал, дробя свой личный полк на летучие отряды, торопясь взять под контроль побережье до того, как рассеянный вдоль морских путей одарский флот соберется в кулак. У Андара слишком мало кораблей на юге, а когда подойдет новая эскадра адмирала Гронтеша, Ларк не знал. Сейчас адмирал должен быть на севере, а без него... Ларк подошел к расстеленной на столе карте. Намеченные пунктиром стрелки с номерами полков нацеливались в одну точку — Линдэнэ. «Морская жемчужина», крупнейший порт Одара на этом побережье. Укреплен — с наскоку не взять. Для блокады с моря сил мало. Но, пока не возьмешь, соваться через пролив — безумие, и Одарские острова остаются такими же недостижимыми, как если бы располагались по другую сторону океана.

Но если Ларк хочет положить конец этой войне, прижать южного соперника раз и навсегда, именно Острова и нужны — с верфями и портами, рынками и пиратскими базами, магическими источниками и соляными промыслами. Право

же, вражеская столица — не самый лакомый объект в этом списке!

— Звал, мой принц? — первым вошел Никодес, за ним остальные офицеры, составившие походный штаб принца Ларка. — Ожидается веселье?

Ларк оторвался от карты, обвел взглядом своих офицеров. Самые надежные, проверенные в деле — не ослы из генерального штаба. Те, слава небесам, засели в официальной ставке и разрабатывают планы блокады островов и штурма береговых укреплений Одара — тоже нужное дело, но главное, что сейчас под ногами не путаются и под руку не толкают. А эти давно привыкли говорить «веселье» вместо «трудности» или «очередная безумная авантюра». Им понравится.

— Преотличнейшее веселье, — Ларк позволил себе широкую улыбку. Не то чтобы ему и в самом деле хотелось улыбаться, но сомнения и неуверенность лучше держать при себе. — Его величество предлагает нам по-быстрому выиграть эту войну — при поддержке его дипломатической артиллерии. Первый залп уже сделан и, похоже, попал точно в цель. Нужно решить, чем мы сможем поддержать победоносное наступление королевской дипломатии. Кстати, господа! Никто не хочет в жены одну из младших одарских принцесс?

Как ни странно, вместо хохота и шуточек в палатке повисла тишина. Нарушил ее ди Ланцэ:

— Жестоко, — с обычной своей флегматичностью сказал он. — Это потому, ваше высочество, что вы отказались брать

старшую?

— Нам только одарской принцессы на троне не хватало, — серьезно ответил Ларк. — Конечно, дед отказал. А одну из младших за нашего дворянина — это наше требование, а не их предложение. Так что юная невеста может оказаться со своим мнением о будущей семейной жизни.

— Задание для любителей рисковать, — Никодес подкрутил ус. — Что ж, мой принц, я так понимаю, действовать следует последовательно и планомерно, как говорят наши штаб-генералы? Сначала Линдэнэ, затем — Острова, и уж потом — смотрины и свадьба? Есть время взвесить все «за» и «против», составить план осады...

— И провалить ее, — ввернул ди Ланцэ.

Наконец-то в палатке грянул хохот: все припомнили, как Нико «осаждал» барышню фор Циррент и что из этого вышло.

— А вот плана осады Линдэнэ составлять не будем, — сказал принц. — Взять его нужно, как предки говорили, на копье. Или же, учитывая, что брать выгодней с моря, на абордажный крюк. Вот что — мне нужен курьер к адмиралу Гронтешу, перехватить его где-нибудь на полпути. Сложность в том, что мы не знаем точно, где он сейчас. Найдется подходящий человек?

— Я найду, ваше высочество.

Ларк обернулся на мягкий, вкрадчивый голос.

— Святое дерево, мэтр, я опять вас не заметил!

— Вы и не должны были, — глаза магистра Вальдиха полыхнули откровенным удовольствием. — Когда отправляться? Я подберу кого-нибудь одаренного в поисковых чарах.

Верховный магистр Гильдии не входил ни в официальный штаб принца, ни в этот, «ближний», а потому позволял себе являться или нет, руководствуясь какими-то своими, неизвестными соображениями. Ларк не возражал, он давно понял, что мэтр Вальдих предпочитает свободу действий. Слишком горд, как многие, поднявшиеся из низов. Но лоялен, и лояльность заверена клятвой — этого Ларку хватало. Командовать магами он не собирался, компетенция не та. Вальдих предпочитал получать задачу — и решать ее без оскорбительного надзора.

— Утром, вечером, ночью, как будет удобнее магу, чтобы никто не заметил его отъезд? Письмо я напишу сейчас же.

— В таком случае — на закате, — кивнул Вальдих. — Будет хорошо, если у вас найдется что-либо, к чему адмирал хотя бы прикасался. В идеале — письмо, конечно же.

— Есть письмо, но вы же понимаете, что читать его ваш человек...

— О, разумеется, не должен и не будет! Всего лишь снимет ауру. Ваше высочество, вам следует хоть немного лучше понимать основы магии.

— Вы правы, мэтр, — покаянно согласился Ларк. Сказать по чести, магию он всегда, сколько себя помнил, недолюбливал, а потому обязательные занятия по теории помнил лишь

постольку, поскольку они пересекались с его любимым военным делом.

Вальдих посмотрел как-то слишком уж понимающе, вздернул уголки губ и, поклонившись, вышел.

— Отец? — Реннар сглотнул, зачем-то оглянулся на замерших у ворот стражников и вновь повернулся к гостю. Адмирал Гронтеш приехал один, без охраны, без сопровождающих, но его появление означало одно — корабли прибыли. Пришло время отправлять шары и людей на юг.

— Рад видеть тебя, сын, — адмирал посмотрел как-то слишком уж понимающе и кивнул как будто не сыну, а своим мыслям. — Пойдем, где здесь у тебя поговорить можно?

— А... да, конечно, идем, — и правда, не обсуждать же секретные дела прямо здесь. Но молчать было невыносимо, и Реннар выбрал самый невинный из всех возможных вопросов: — Устал, голоден? Угостить тебя обедом?

— Позже.

Реннар знал эту интонацию, означавшую «помолчи немного», а иногда — «помолчи со своими глупостями». Всколыхнулась обида: сколько лет должно пройти, что он должен совершить, чтобы отец заговорил с ним на равных? Пусть сам он понимает, что может никогда не стать таким, как Огненный Гронтеш, даже не приблизиться, но и он ведь

уже давно не ребенок! «Не ребенок, а что совершил?» — Реннар почти привычно отогнал горькую мысль и ускорил шаг. Его дом, к счастью, стоял совсем недалеко от ворот, перед мастерскими. Долго молчать не придется.

Отец оглядел его кабинет с любопытством и, как показалось Реннару, с одобрением. Наверное, потому что небольшая, но светлая комнатка напоминала его собственный кабинет в столичном особняке — стол, жесткое кресло, полка с книгами, защищенный чарами сейф, никакой роскоши, ничего лишнего.

— Садись, — Реннар мстительно указал на стул для посетителей. — Итак?

— Итак? — с едва заметной насмешкой переспросил отец. — Насколько я знаю, тебе должно было прийти предписание. Или королевский курьер потерялся в пути?

Жар залил лицо, Реннар достал письмо, вскрыл, объяснив запальчиво:

— Курьер приехал прямо перед тобой, я не успел прочесть.

— Так прочти.

«Господин фор Гронтеш. Я посылаю виконта ди Барри, чтобы он принял от вас дела. Он весьма хорош в обеспечении поставок, что же касается остальных аспектов работы, подскажите ему, в чем и на каких людей можно опереться. Мой внук ждет вас и плоды ваших трудов. Ваш отец передаст на словах остальное».

Реннар поднял взгляд на отца:

— Но это же... это...

— Твое новое назначение. Полагаю, наш король весьма обтекаем в формулировках?

Реннар протянул письмо отцу; ему казалось, что сжимающие плотную бумагу пальцы одеревенели, сейчас он клял себя за то, что не прочел сразу.

— О да, попади письмо не в те руки, толку от него будет мало, — адмирал ухватил весь текст одним взглядом — Реннар всегда удивлялся, как у него получается это, сам он всегда вчитывался в каждое слово, будь то хоть важный документ, хоть ерундовый романчик. Вернул: — Спрячь. Что ж, передаю на словах, как и обещал его величество. Виконта ди Барри ты вряд ли знаешь, он не из вашего круга, но поверь мне на слово, это лучший человек, которого король мог сюда найти. Вы, не в обиду будь сказано, молодые лоботрясы, а он — тот, кто вот уже двадцать лет, если не больше, обеспечивает верфи королевства всем необходимым, от древесины и пушечных ядер до овса для коней и солонины для рабочих. Можешь оставить на него дело и не сомневаться, здесь будет все самое лучшее. У тебя есть те, кто разбирается в производстве и достоин доверия?

— Конечно.

— Превосходно. Советую тебе собрать их всех, представить нового коменданта и попросить — именно попросить, сынок, — всячески ему содействовать.

— Да, понимаю, — и тут Реннар спохватился: — А где сам этот... виконт?

— Задержался в порту. Я его попросил, по старой дружбе, помочь с провиантом. Нам лучше будет в пути не останавливаться и уж точно не заходить в порты. Мы должны явиться на южное побережье внезапно, как камни с неба.

— Понимаю, — повторил Реннар. — Так, значит, мы грузимся? И я тоже отравляюсь? Смогу сам показать все Ларку? Успею повоевать?

Он так, оказывается, сжился с мыслью о том, что до конца войны останется здесь, так смирился с этой необходимостью, что теперь не мог сразу поверить в счастливое известие. Как будто в любой миг королевское предписание может раствориться в воздухе, а незнакомый ему виконт ди Барри оказаться лишь выдумкой, сном или злой шуткой.

— Повоевать успеешь, — на губах адмирала Гронтеша мелькнула и пропала понимающая улыбка. — Если я верно представляю положение дел — а я, смею думать, в этом разбираюсь, — сейчас наших сил на юге слишком мало для решительного наступления. Принц сыграл на внезапности и выиграл, но теперь важно не упустить преимущество. Мою эскадру там ждут не меньше, чем твои летательные шары, и, поверь, врагов хватит на всех.

Казалось бы, что хорошего в известии, что Ларку не хватает сил? Но Реннара оно наполнило самым настоящим счастьем. Как же он засиделся в этой волчьей дыре! Теперь на-

конец появится шанс проявить себя не в скучной роли промышленника, а в настоящем деле! Он поднимется в воздух не посреди дикого леса и даже не над пустынным северным морем, а над полем боя, проверит, чего стоят все придуманные и отработанные здесь тактики и приемы, и, может быть, именно он однажды принесет Ларку победу.

Вслед за счастьем пришла жажда деятельности. Ларк ждет, значит, нужно поторопиться!

— Сколько у нас времени? Пока виконт ди Барри занят твоим провиантом, можно начинать погрузку? Я ждал, у меня все готово. Шары свернуты, подводы — только коней впрячь. Людей, кто отправляется, сейчас же собираю.

— Собирай и командуй, мой «Отважный» готов к погрузке, — кивнул адмирал. — Потом покажешь все новому коменданту, и сразу отчалим. А я, с твоего позволения, отправлюсь обратно в порт. Раз у тебя все готово, я тоже подгоню своих.

— Да, конечно, — мыслями Реннар был уже не здесь, с отцом, и даже не с Ларком на юге, а на грузовой площадке. Хотя представлял отгрузку много раз, сейчас охватила паника: вдруг чего-то не учел? Назначить из охраны двоих, пусть немедленно проверят дорогу к порту. Известить экипажи и тех магов, которые будут сопровождать шары. Не забыть накрыть подводы щитом на случай нападения — да, расход магии, но он должен исключить даже мизерный шанс повреждения шаров. Хорошо, что земля просохла после недавне-

го дождя, колеса не будут вязнуть...

Отец что-то сказал, Реннар потрянул головой:

— Что, прости?

— Ты молодец. Есть чем гордиться, сын.

ГЛАВА 3, в которой в салонах Линда становится модным писать письма, а у торгового представителя Андара обнаруживается талант не только к торговле

— Есть чем гордиться, дорогая, — граф Винсенн ди Скавалль, посол Андара в Тириссе, признанный светский лев, почетный член общества любителей словесности, один из трех лучших танцоров Линда, любимец дам, но, к их великому огорчению, прекрасный семьянин и верный муж, нежно поцеловал руку жены и аккуратно стер с ее мизинца чернильное пятнышко. — Я тебя обожаю. Виртуозная работа.

Кабинет ди Скавалля только что покинул маг в сером балахоне с гербом королевского дома — один из хранителей Источника, которым разрешено подзаряжать амулеты за плату в пользу Гильдии. Ничего необычного в визите не было, каждому ясно, что в доме андарского посла хватает магических вещей. Но на самом деле...

— Что-о? Ты меня обожаешь из-за виртуозной работы? Я не ослышалась, милый? — Цинни состроила суровое лицо.

— Может быть, мне стоит претендовать не на супружескую постель, а на место в твоём штате и жалованье?

— Ну что ты, дорогая, в штате мест нет, и денег на жалованье ещё одному человеку тоже, — ди Скавалль показательно вздохнул, покосившись на мешок с золотыми фрегатами посреди стола, и неторопливо перецеловал пальчики жены, от мизинца до указательного, сначала на одной руке, затем — на другой.

— Значит, будь так добр обожать меня просто так, — конечно же, долго строгий тон Цинни не выдержала — рассмеялась.

— Но, дорогая, ты ведь не станешь спорить, что твоя работа виртуозна? Особенно если вспомнить первоначальную идею — звучало, честно говоря, совершенно по-дурацки. «Письма счастья», надо же!

— Да, «письма любви» звучит куда лучше.

— Особенно для романтических барышень и их не менее романтических матушек и тетушек.

— Именно, дорогой мой. Именно так, но, — она потянулась к мужу, мимолетно поцеловала в уголок губ и шепнула на ухо: — Но, знаешь, их мужьям и возлюбленным тоже понравилось. Линд ещё долго будет занят любовью, а не войной.

...На самом деле достоуважаемый мэтр, предпочитавший не показывать свое лицо и не открывать имени, в доме ди Скаваллей не только подновлял щиты и заряжал защитные

амулеты. Более того, основная часть его работы заключалась совсем в другом. Тонкие, почти незаметные плетения на стопки дорогой бумаги, на конверты с букетиками и сердечками. Ничего противозаконного и аморального, не приворот, не принуждение, небо упаси! Всего лишь душевная симпатия, желание встречи. А что в итоге обыкновенный писчий набор и совсем легкая ворожба дают несусветную прибыль... так ведь уметь нужно! Иногда — всего лишь уметь найти людей, через которых можно запустить сначала слухи, а потом — реализацию. Достоуважаемый безымянный мэтр был одним из таких людей, а лежавшее на столе золото — честной долей графини ди Скавалль. Женщинам простительны маленькие слабости, в том числе желание самой заработать на булавки.

Да, идея с «письмами любви» определенно пришлась ко времени, став самым модным развлечением сезона. Весна в Тириссе — довольно-таки мерзкое время года, даже здесь, на континентальном побережье. Дожди, туманы, слякоть, шквалы с моря, и самое страшное — скука. Светская жизнь замирает, едва теплясь по салонам, зато в спальнях и будуарах творятся самые невообразимые вещи, как будто вместе с дождями и морским ветром на Линд обрушивается концентрированный любовный эликсир. Не зря весной заключается столько помолвок и свадеб, а зимой повитухи сбиваются с ног.

Стоило немного подтолкнуть эту ставшую уже традици-

онной любовную горячку, придать ей немного пикантности, долю игры и азарта — и пожалуйста! Весенние дожди и туманы сменились приятной прохладой раннего лета, вошедшие в моду осенью и зимой музыкальные вечера позабыты до следующей осени, сменившись пикниками у моря и игрой в воланы, а слегка надушенные конвертики все еще порхают из рук в руки. Цинни права, о далекой и вроде бы никак не относящейся к Тириссе войне сейчас помнят лишь дипломаты, банкиры, купцы — те, кто непосредственно связан с военными поставками. Остальные пишут письма объектам своих мечтаний.

Те из купцов и банкиров Линда, кто был непосредственно связан с военными поставками, привыкли уже иметь дело с графом ди Скаваллем — милейшим, понимающим их трудности человеком, всегда готовым войти в положение и оказать посильную помощь. Не за просто так, разумеется, но почему бы и не отправить лишний груз на одну из указанных им верфей, благо они ближе Одарских островов и плавание куда как безопасней. Со всех сторон выгодно!

Однако под конец весны милейший граф перестал являться на деловые встречи в одиночестве. Его спутник, немолодой, сухой и жесткий, как пересушенная вобла, представлялся господином Лодиасом Шоррентом, особо уполномо-

ченным торговым советником андарской короны, и объяснял свое появление тем, что неуместно послу и аристократу слишком уж явно иметь дела с купцами. Перезнакомив господина Шоррента с банкирами и негоциантами Линда, с постоянно бывавшими здесь капитанами и прочими полезными людьми не из высшего света, граф ди Скавалль вернулся к обычному своему времяпрепровождению, то есть к балам, поэтическим салонам и театральным представлениям. А господин Шоррент, войдя в курс дела и попривыкнув к местным традициям и обыкновениям, развернулся так, как ди Скаваллю и не снилось.

В том, что касалось торговых дел, господин Сушенная Вобла оказался самой что ни на есть акулой. Он скупал задешево безнадежные векселя и вместо денег брал с банкротов втрое-вчетверо услугами. Перехватывал сомнительные фрахты и без всяких сомнений отправлял груз туда, куда хотел он. Уже к началу лета поставщики пеньки, канатов и древесины готовы были на него молиться — он выжил с рынка перекупщиков и давал честную цену, правда, и товар требовал высшего качества.

Удивительно ли, что однажды тихой ночью в его контору вошел без стука Ржавый Боше, известный в порту наемный убийца?

Говоря откровенно, Боше предпочел бы этой ночью заняться чем-нибудь или даже кем-нибудь другим. Связываться с аристократами — затея рискованная, а за Шоррентом,

пусть сам он и безродный, стоит аж целый граф, да еще и андарский посол, не селедка плюнула! Но те, кому андарец перешел дорогу, умели убеждать, и не только деньгами. Деваться Ржавому Боше было некуда, если он и дальше намеревался спокойно жить в благословенном Линде, а не ворочать веслом где-нибудь в южных морях. Только и утешало, что стряс с нанимателей несколько магических штучек, которые должны сильно облегчить дело.

Дверь отворилась беззвучно, будто и не была заперта на хитрый замок и завешана тремя слоями магической защиты. С новым амулетом Боше отлично видел в темноте и прошел к лестнице, не задев ни вычурную кованую подставку для обуви, ни широкую напольную вазу, из которой торчали какие-то кривые ветки — что за дурацкая мода, держать растения в прихожей! Третья снизу ступенька пронзительно скрипнула под ногой, Боше надолго замер, мысленно кляня то ли неумеху-плотника, то ли, наоборот, слишком умелого мага, ставившего защиту. Но тишину ничто больше не нарушило, и убийца, порадовавшись здоровому сну своей жертвы, двинулся дальше.

Двенадцать ступенек, короткий коридор, третья дверь слева, сначала просунуть под дверь костяную пластинку, заряженную сонными чарами, досчитать до полусотни и лишь затем входить самому. План дома ему дали все те же, чтоб их дьявол взасос поцеловал, наниматели. Еще повторили трижды, будто Ржавый Боше — идиот и с первого раза не пой-

мет: «Шоррент нужен живым и способным говорить, и небо тебя упаси оставить следы или вынести из дома хоть что-то, кроме него самого, хоть ржавую пуговицу! Усыпишь, упакуешь и быстро сюда, наведенного сна надолго не хватит». Тыфу на них. Можно подумать, что Ржавый Боше — какой-нибудь вшивый домушник и будет тратить время, простукивая стены спальни и проверяя столбики кровати в поисках тайников. Ему и так неплохо платят.

Пластинка протиснулась под дверь с трудом, Боше начал отсчет. Один, два... подумал запоздало — а если б щели во все не было, как тогда? Десять, одиннадцать... пятнадцать... Считал неторопливо — лучше пусть останется меньше времени, чем чары не успеют рассеяться и сморят его самого. Тишина вокруг не была идеальной: шуршали под полом и на чердаке мыши, дребезжал оконными стеклами ветер, где-то лаял пес. Тридцать семь, тридцать восемь... От близкого порта донеслись мерные удары склянок, резкий, пронзительный звук боцманской дудки: команда поднять якорь. Какому, интересно, кретину взбрело в башку уходить в море ночью? Сорок девять... Полста. Боше надавил на ручку двери и шагнул в спальню Лодиаса Шоррента.

Доверять магическим штучкам полностью — удел идиотов, которые, как известно, долго не живут. Поэтому, чары там или не чары, сон или не сон, а Ржавый Боше держал наготове не веревку, а старый добрый кастет — лучший способ убедить «клиента» прилечь. Хотя наниматели казались

людьми надежными, заинтересованными в получении «товара», и вряд ли всучили бы дешевку вместо приличного, под завязку залитого магией амулета.

И все же...

— Хорошая ночь, господин Боше, — Шоррент смотрел на него в упор, а вместе с ним смотрело черное дуло пистолета. — Вон столик, положите на него все лишнее и присаживайтесь. Поговорим.

Боше на подгибающихся ногах шагнул вбок, к низкому столику. Вот чуял же! Всей шкурой, всем существом своим чуял, что не будет добра от этого заказа! Дьявол сын этот Сушеная Вобла, не иначе. Ладно бы просто чары не подействовали, многие, предполагая возможность нападения, носят защитные амулеты. Но он ждал! Сидел в засаде, как паук, с пистолетом наготове!

Нет, не бывает таких совпадений. Подстава, вот что это такое. Самая что ни на есть гнилая подстава!

— Шевелитесь же! Ночь не бесконечна, а разговор предстоит долгий. Или предпочитаете быструю пулю в лоб?

Кастет глухо ударился о полированное, украшенное перламутровой инкрустацией светлое дерево. Моток тонкой веревки лег сверху. Абсурдный контраст, такой же абсурдный, как неожиданная смена ролей, как жертва, оказавшаяся вдруг охотником. Деловую хватку Сушеной Воблы давно оценили все заинтересованные лица, и высоко оценили, иначе не было бы здесь сейчас Ржавого Боше. Но то, что торго-

вый представитель андарской короны мастерски управляет-
ся не только с чужими векселями, но и с пистолетом, стало
неприятным открытием.

— Амулеты, — подсказал Шоррент. Боше медленно, с
преувеличенной аккуратностью сложил на стол глушилку,
отмычку и давным-давно разрядившийся амулет на уда-
чу, который таскал с собой исключительно из суеверия. —
Остальные амулеты, не прикидывайтесь простачком, от вас
фонит, я чувствую. Нож. Удавку. Хорошо. Два шага назад,
— напряжение в голосе сменилось скрытой улыбкой. Вот же
дьявол! — Да, я знаю, как вы работаете и что носите с со-
бой, господин Ржавый Боше. Я и говорю-то с вами лишь по-
тому, что остался доволен вашей работой на меня. Что вы
так смотрите? Или не знали, что умные люди предпочитают
нанимать таких мастеров, как вы, через посредников? Садитесь же.

— К-куда?

— На пол, разумеется. Во-он в тот угол, — вопреки смут-
ной надежде, Шоррент указал направление не пистолетом,
тот безотрывно смотрел точно между глаз, а другой, свобод-
ной рукой. — Да, знаю, не ахти какое гостеприимство, так и
гость ведь незванный.

Боше попятился до угла — оторвать взгляд от черно-
го провала пистолетного дула оказалось решительно невоз-
можным. Уперся спиной в стену, съехал вниз. Пахло пы-
лью и чем-то еще, тонко-терпким, неясно-тревожным. В ок-

но скреблась сухая ветка — почему не велит спилить, мешает же спать?! Дребезжали под порывами ветра стекла, в лицо светил ровный, неяркий свет ночного фонаря, оставляя комнату, Шоррента и пистолет в почти полной темноте.

— Руки держите на виду. Итак. Ничего не желаете рассказать до того, как я начну спрашивать?

— А зачтется? — хрипло спросил Боше.

— Сами-то как думаете? Добровольное желание сотрудничать — оно всегда засчитывается, если, конечно, не слишком поздно наступило. Фатально поздно, если понимаете, о чем я.

Боше понимал, кто бы не понял на его месте? Закивал мелко и выложил все до последней мелочи, как перед менталистом, готовым выжечь мозги за любое умолчание. Дьявол его знает, этого Шоррента, вдруг менталист и есть. Или из тех, кто в голову тебе не лезет, а все равно чувствует, правду говоришь или врешь. Собственная жизнь была Ржавому Боше дорога, желательно в комплекте со свободой и здравым рассудком.

Правда, чем больше говорил, тем яснее ощущал недовольство Шоррента и сам понимал, чем тот недоволен. Ублюдки-наниматели, даже если и действовали без посредников — в чем теперь уже Боше сомневался — ясного следа к себе все равно не оставили. Место, где обещали ждать «товар», просматривалось от и до, незаметно не подберешься и засаду не устроишь — когда сговаривались, Боше посчи-

тал это за добрый признак, теперь же понял, что заботились не о нем, а о собственной безопасности. Задаток и амулеты передавали — тоже ничего необычного, встреча в «Кривой акуле», как издавна принято. План дома начерчен на серой дешевой бумаге, никаких пояснений, ни буковки для образца почерка. И у него ума не хватило заручиться хоть какими гарантиями! Обрадовался, идиота кусок, что от вполне явных угроз перешли к честной выгоде. Лиц не видел, фигур под плащами — тоже, голоса не узнает, даже рядом услышав, на руках перчатки были... редкостные, правда, перчатки. Не просто добротные, а тонкие, особой выделки, отбеленные, такие стоят дороже, чем десяток трупов неблагородного соловия. И ни пятнышка на них, ни потертости — новехонькие.

— Хоть что-то, — отчего-то показалось, что Шоррент скривился брезгливо. Боше сглотнул — теперь, когда он уж точно выложил все, станет ясно, как ему зачтется откровенность. Отпустит, пристрелит? Быстрая смерть, может, и лучше суда, клейма и каторги, но жить хотелось. К тому же с каторги, случается, и сбегают.

Долго, очень долго тишину нарушали лишь ветер за окном, проклятушая ветка да дребезжащие стекла, и от этого дребезжания у Ржавого Боше ворочался холодный ком в животе и мерзко ныли зубы. Казалось, Шоррент думает вечность, не меньше. Но наконец он все-таки заговорил.

— Вот что, господин Боше. Полагаю, вам нерадостно бу-

дет признаваться своим нанимателям в провале. Да и кто знает, отпустят ли вас живым после такого признания. К тому же сам ваш провал... вам он не кажется странным?

«Подстава!» — вновь вспыхнула злая мысль. Очевидно, на лице отразилась, потому что Сушеная Вобла хмыкнул и соизволил объяснить:

— Нет, не подстава. Но, уж поверьте, я постарался, чтобы со стороны выглядело именно так. Для тех, кто не желал бы лишиться ваших столь ценных услуг. И как ваше предательство — для тех, кому так досадно мешает моя скромная персона. А теперь, как выражаются достоуважаемые профессора — внимание, вопрос! Как думаете, господин Боше, как воспримут те и другие ваше внезапное исчезновение?

В первый миг Боше подумал, что вот сейчас сухо шелкнет спусковой крючок, и это будет последним, что услышит он в жизни. Но тут же понял, что при таком раскладе Шоррент обошелся бы без долгих предисловий, и спросил почти спокойно, попытавшись даже, чтобы вопрос звучал солидно и по-деловому:

— Предлагаете исчезнуть? Куда?

— А вам не все равно? — из темноты за пистолетным дулом послышался смешок. — Главное, чтобы здесь и следа от вашей персоны не осталось. Верней, след останется, — от еще одного смешка у Боше заныли зубы, — но вести он будет прямым на тот свет. Наглядно и убедительно, так что не позднее завтрашнего вечера во всех портовых тавернах

будут пить за упокой вашей невезучей души.

В горле вдруг адски пересохло. Попросить у Сушеной Воблы напиться? Пожалуй, не стоит. Дьяволов сын и без того уверен, что у Ржавого Боше душа сейчас где-то в пятках.

— И какая у вас замена пути на тот свет? — сухо сглотнув, поинтересовался Боше.

— Нынче утром должен уйти на юг корабль одного моего доброго приятеля. С моей запиской вас возьмут на борт. С этой же запиской можете прийти к коменданту порта назначения. Расскажите ему все, он пристроит вас к делу. Согласны?

Ради того, чтобы выйти живым из этой комнаты, Ржавый Боше согласился бы на все. Но, видно, что-то переклинило в голове, потому что он вдруг спросил:

— А ну как я возьму вашу записульку, а до корабля не дойду? Или уплыву, а там не дойду до коменданта?

Сам тут же ужаснулся: верно говорят, «язык не жернова, а мелет не хуже», но за ним-то прежде такой глупости не водилось! Что мешало согласиться и даже благодарностей отсыпать за доброту и милосердие, а уж потом, подальше от этого дьявола с его пистолетом, решать, что делать дальше? Но Шоррент лишь хмыкнул — это его хмыканье будет, наверное, сниться Боше в кошмарах! — и сказал спокойно, почти равнодушно:

— Насильственно спасти не стану, желаете голову в петлю сунуть — воля ваша. Я-то уже получил, что хотел. Хотя,

не скрою, жаль будет. Мастера вроде вас просто так на дороге не валяются.

Это было понятно — куда как понятней, чем пустая благотворительность. И Боше, больше не раздумывая, чтобы снова не ляпнуть несусветной ерунды, сказал:

— Согласен.

В конце концов, не дурак же он совсем. Это сейчас хочется только одного — убраться подальше от Сушеной Воблы и его пистолета, а что делать, когда наниматели ответа спросят? Так и так придется делать ноги, а тут, считай, все готовое — и транспорт, и прикрытие, и даже, по всему виду, работа на том конце пути. И приятное осознание того, что стараниями несостоявшейся жертвы здесь, в Линде, исчезновение Ржавого Боше не пройдет вовсе уж незамеченным, и выскомерные ублюдки, которые отправили его убивать Шоррента, нарвутся по полной программе. Дьявольская месть. Дьявольски коварная и дьявольски красивая. И плевать, что сам Шоррент заботится лишь о том, чтобы никто в здравом уме не полез больше его убивать. Какая разница. Важно, что Ржавого Боше вполне устраивают методы, которыми господин Сушеная Вобла обеспечит свою безопасность.

Свою безопасность Лодиас Шоррент готов был обеспечивать любыми методами. И не то чтобы он так уж дорожил

жизнью, целостностью шкуры и душевным равновесием. В конце концов, желай он непременно умереть в своей постели от старости, выбрал бы другую службу. Но от его безопасности зависели интересы короны, а к своим обязанностям перед короной Лодиаз Шоррент подходил крайне серьезно. Бездумный риск — удел молодых кретинов, мечтающих о громких подвигах и вечной славе, человеку из Тайной Канцелярии слава лишь помешает. Тишина, тайна и эффективность — вот из чего состоит правильно сделанная работа.

Поэтому, отдавая Ржавому Боше записку для капитана Тензоне, Шоррент не слишком полагался на выбитое угрозами и шантажом согласие скраться. Под дулом пистолета что угодно можно сказать и на что угодно согласиться. Но если, выйдя за дверь, Боше предпочтет залечь в потайную нору где-нибудь в Линде... Нет, такое развитие событий Шоррента решительно не устраивало.

Слежку он настроил заранее в том самом углу, куда отправил ночного гостя — неприметные, слабые чары из тех, что долго липнут, зато потом и не сбросятся враз. Теперь не нужно выслеживать Боше по старинке, красться следом, прятаясь в тених и не выпуская того из виду. Достаточно выйти из дому через четверть часа после него и пройти по оставленному маячком следу.

Нервы у Ржавого Боше оказались слабыми для убийцы. Он и не подумал нарушить вырванное угрозами обещание. Отправился напрямик в порт, там отыскал «Летучую бабоч-

ку», отдал записку капитану и безропотно засел в отведенном ему закутке в трюме, где никто не обнаружит неучтенного пассажира. Капитана Тензоне предупредил заранее ди Скавалль, так что проблем с размещением не возникло.

— Что ж, прекрасно, — хмыкнул Шоррент. — Попутного ветра, спокойного моря. Теперь разобраться с господами в дорогих перчатках.

Что это за господа, Шоррент подозревал: хотя дорогу он перешел многим, мало кто стал бы, нанимая убийцу, запугивать того каторгой, мало кто обеспечил бы отлично сделанными и под завязку заряженными амулетами, и уж тем более почти никто не пожелал бы заполучить андарского торгового представителя живьем. Там, где вопрос лишь в конкуренции, предпочитают трупы, и куда надежней не убийцу в дом подсылать, а подстроить «несчастный случай» в городской сутолоке. Кому нужно «поговорить» с Лодиасом Шоррентом, предварительно отбив охоту к сопротивлению? Либо тириским «коллегам», либо одарским. А поскольку официальных препятствий деятельности Шоррента не чинили, прикормленных чиновников не трогали и даже слежку великое-как, одарские — вероятнее.

Тем лучше: схлестываться с тириской Тайной Канцелирией в их же столице было бы почти самоубийственной затеей, а избавить Линд от нескольких гостей из солнечного Одара — это, можно сказать, услуга дружественному государству.

Задняя дверь «Кривой акулы» отворилась беззвучно. Время близилось к рассвету, и хозяин был уже на ногах, пусть пока сонный и всклокоченный. Горел в печи огонь, грелся чайник, скворчал на почерневшей от времени сковороде безкон.

— Доброго утречка, Арти, — то, что на обращение «господин» и прочие расшаркивания бывший пират по кличке Арти Два Ножа реагирует злобно, Шоррент выяснил в первую с ним встречу. Как и то, что воры, убийцы и прочие «деловые люди», традиционно принимающие заказы в «Кривой акуле», проходят для него по категории «береговых крыс», и он ничуть не считает зазорным обменять информацию о самых интересных «деловых встречах» на кошелек с полновесными золотыми. Как и то, что завтрак себе Арти всегда готовит сам, и нет лучшего времени, чтобы потолковать с ним без лишних глаз и ушей.

— Живой? — усмехнулся Арти. — Ушлый ты все же тип.

— На том стоим. — Шоррент выложил перед Арти сверток со всем снаряжением Ржавого Боше: нож, кастет, веревка, удавка, амулеты. — Думаю, этого хватит, чтобы одного нашего общего знакомого сочли мертвым. Тело, в конце концов, могли бросить в море.

— Я тебе больше скажу, за десяток монет могут найтись и те, кто сам это видел, — Арти взвесил в ладони кастет, покрутил в пальцах нож. — Для портовой крысы неплохие игрушки, но все же ничего нет лучше абордажного тесака.

Завтракать будешь?

— Яичница с беконом?

— Да уж не овсянка, — Арти перевернул бекон, залил яйцами, присыпал перцем. Готовить он любил, а Лодиас Шоррент любил его стряпню, острую и сытную.

— А если не за десяток монет, а немного больше? — рядом с вещами убийцы лег туго набитый кошель. — Могут они разглядеть тех, кто избавился от тела, и решиться отомстить за товарища?

— Ты узнал, кому мстить?

— Наш общий знакомый рассказал, где его будут ждать с выполненным заданием.

— Неплохо. Ладно, давай поедим, а после расскажешь.

Портить аппетит разговорами о «береговых крысах» Арти терпеть не мог, и Лодиас Шоррент был с ним в этом абсолютно согласен.

ГЛАВА 4, в которой граф Варрен фор Циррент собирался пойти домой и лечь спать, а вместо этого отправился во дворец будить короля

Варрен фор Циррент отодвинул стопку отчетов, потер уставшие до острой рези глаза и потянулся, расправляя плечи и затекшую спину. За распахнутым окном кабинета мелькали в желтом свете фонарей летучие мыши и сладко, головокружительно пахли ночные фиалки. Давно пора домой. Гелли только вчера намекнула, что он должен уделять больше внимания если не сестре, так хотя бы невесте, и Варрен был с нею абсолютно согласен. Если бы не дела...

Еще год назад он доспал бы остаток ночи здесь же, в той самой спальне за кабинетом, в которой провела первую ночь в их мире Джегейль. Теперь же старался появляться дома, даже если уверен был, что его дамы уже спят. Позавтракать вместе — тоже неплохо.

«Старею, — усмехнулся он, — начал находить удовольствие не в работе, а в тихих домашних радостях».

Впрочем, дела в Тириссе, еще зимой тревожившие, сейчас шли прекрасно. Чувствовалась в вестях с севера нежная,

но твердая рука Цинни, легкая безуминка рассказов и идей Джегейль, тяга к рискованным авантюрам Лодиаса Шоррента, и все это сплавливал воедино острый ум Винсенна ди Скавалля. До смешного доходит: при заявленном нейтралитете королевский дом Тириссы тайно поддерживает Одар, но грузы из Линда идут в андарскую армию и на андарские верфи, причем корона не тратит на эти поставки ни медяка, оплату обеспечивают Шоррент и ди Скавалль. Когда услугами, когда шантажом, когда полновесным золотом, добытым частью Шоррентом, а частью — милой Цинни.

Да, за дела на севере можно быть спокойным. На юге хуже. Ларк пронесся по побережью ураганом, нигде не задерживаясь лишнего часа, выжимая все из внезапности своего появления. Но разбираться с тем, что остается за спиной, ему было некогда, и люди Тайной Канцелярии тоже не успевали. Навести порядок, назначить лояльных андарской короне старост в деревнях и комендантов в городах, вычистить всех одарских недобитков, взять под контроль гильдии, магические источники, базы корсаров... Мало захватить — надо удержать, и если с первым прекрасно справлялся его высочество Ларк, то за второе отвечали фор Циррент, Фенно-Дераль и совет гильдий, и работы хватало всем.

Фенно-Дераль уехал в Неттуэ, чтобы контролировать дела на месте. Варрен позволить себе такого не имел права. Прошли те прекрасные времена, когда он мотался по всему континенту, ввязывался в драки, рисковал шкурой, знал лишь

о собственном задании и чувствовал себя героем. Теперь он сам раздает задания — и должен сидеть здесь, как паук в центре сплетенной им паутины, ощущать каждую нить и быть готовым реагировать на малейшую ее дрожь.

Варрен закрыл окно, запер сейф, проверил охранные чары и совсем уж собрался уходить, когда в дверь заколотили, и, не дождавшись позволения войти, ввалился дежурный:

— Господин граф, срочный курьер от верховного магистра! Требует немедленно...

— Во-первых, не требую, а прошу, — раздался слегка взволнованный голос из-за спины дежурного. — Но донесение и в самом деле первостепенной важности, господин граф.

— Во-вторых, я до безобразия распустил дежурных, — пробормотал Варрен. — Входите же. Что там у вас?

Вошедшего в кабинет юношу в балахоне мага-подмастерья он видел среди учеников магистра Вальдиха. Судя по самым разнообразным пятнам грязи на балахоне, устойчивому конскому запаху и крайне усталому виду, мальчишка действительно прибыл издалека и в большой спешке. Пальцы подрагивали, когда он протягивал письмо; Варрен кивнул на стул:

— Садитесь. Вода на столе, если голодны, могу заказать ужин.

— Воды хватит, спасибо. Читайте.

Для сопляка-подмастерья говорил он слишком уверенно,

почти дерзко. Налил воды в стакан — стекло звякнуло о стекло, дрожат руки, устал. Но держится неплохо.

Покойный Страунгер таких наглецов осаживал, а Вальдих, наоборот, начал выдвигать — если, конечно, кроме дерзости за душой было еще что-то. Как глава Тайной Канцелярии, Варрен фор Циррент не мог оставить новые назначения в Гильдии вовсе уж без внимания, так что поинтересовался «подающей надежды молодежью» и, сказать по чести, порадовался тому, что маги теперь лояльны короне. Страунгер боялся вырастить конкурентов, Вальдих же всеми силами укреплял Гильдию. Смена верховного магистра пошла Андару на пользу.

«Господин фор Циррент. Я не рискнул отправить это сообщение с армейским курьером, потому что не могу доверить бумаге все тонкости, которые вы должны уяснить, не говоря уж о весьма специфическом «товаре». Письмо и все, что к нему прилагается, вам доставит мой ученик Уген, ему можно доверять полностью.

Вы знаете, что я сейчас почти неотлучно нахожусь при особе его высочества. Однако после того как он стал лагерем на подступах к Линдэнэ, я позволил себе отлучиться в окрестности Неттуэ, к новому магическому источнику. Все это время там оставалась охрана из гвардейцев и работали мои люди. Известные вам амулеты оказались не самым интересным нашим трофеем — Уген покажет вам остальное. Но дело даже не в трофеях, а в самом источнике! Граф, по-

верьте, здесь работал гений. Потребовалось много времени и сил, чтобы разобраться в его плетениях, и вряд ли сегодня в нашей Гильдии их сумеет повторить кто-то кроме меня — а жаль! Было бы крайне полезно оградить таким же образом все источники королевства.

Я прошу вас, граф, как можно скорее доложить о наших находках его величеству и испросить у него дополнительную охрану для столь ценного приобретения. Угену дано такое же поручение в Гильдию. На месте нашего врага я не пожалел бы сил, чтобы отбить это место, или, в худшем случае, уничтожить. Разумеется, я испрошу дополнительную охрану и у его высочества, но вряд ли он отдаст мне тех, кто нужен ему самому.

С неизменным уважением, магистр Вальдих».

Верно говорят: любят маги напустить туману! Целый лист исписал общими словами, никаких конкретных сведений. Ясно одно: на тайной базе под Неттуэ и впрямь нашли нечто крайне ценное если не для короны, то уж точно для самих магов.

— Мэтр Уген? — окликнул Варрен мальчишку. — Что вы должны были передать мне на словах?

Тот вдруг улыбнулся:

— Помилуйте, господин граф, какой я вам «мэтр», до мэтра мне еще... — присвистнул, возведя очи к потолку. И тут же вновь стал серьезным. Выложил в рядок на стол с десятков безделушек — кожаные с бусинами плетеные брасле-

ты, морские плоские и витые раковины, резные деревянные и костяные фигурки вроде тех, что на любой ярмарке купить можно.

Определять наличие и уровень магии Варрен фор Циррент не умел, но уверен был, что в этих безделушках ее — до краев. Учитывая, откуда они взялись... Другой вопрос — что там за магия, отчего Вальдих так забеспокоился?

— Смотрите, господин граф. Все выглядит безобидно, кто не чувствует магию, вряд ли заподозрит что-то сильнее обычной дешевой безделки. На такое начаровывают легкие защитки для детей, слабые погодные амулеты, на удачу, на здоровье — ярмарочный товар, проще сказать. Мы ведь как привыкли — для сильных амулетов нужен и материал сильный, хорошо берущий и хранящий магию. А здесь самая простая основа усилена врезанными в материал формулами и проведенными затем ритуалами. То есть, проще сказать, секрет — в процессе изготовления и зачарования. У нас здесь... — он потер глаза, отпил воды и принялся указывать амулеты по очереди, сдвигая их по столу от себя к фор Цирренту: — Игрушечки! Невидимость, магистр сказал, такие вы уже видели в деле. Отвод глаз, по сути своей та же невидимость, но более слабая версия, хороша для действий в людных местах. Все-таки странно будет, если вас толкнет пустое место или вы наступите кому-то на ногу там, где нет ничьих видимых ног. А с этим амулетиком вас все будут видеть, но никто не запомнит. Столкнулись и тут же забыли.

Так, дальше... Вот на этой ракушке — заклятие «ветер в паруса», а эта — с очень мощной защитой от обстрела, пулю остановит, пушечное ядро отведет в сторону. Эта — для часовых и для разведчиков: отвод глаз, заклятие тишины, ночной взгляд и обостренный слух, ментальное плетение на бодрость и внимание, защита от чужих ментальных заклятий. Их всего три было, господин магистр отвез другие два его высочеству, так говорит, один принц себе взял, а господа из гвардии чуть не передрались за второй. Повторить мы пока не сумели. Этот вот — похож, но попроще, для дня. Отвод глаз плюс та же менталка. А вот, господин граф, шедевр и жемчужина коллекции — ментальная связь. Только парные, но магистр уверен, что это только первый этап, дальше логично разработать для большего числа, и не исключено, что у врага они уже разработаны. Вот...

Он длинно выдохнул, прикрыл глаза, то ли от усталости, то ли вспоминая что-то еще. Граф не торопил. Одних этих амулетов уже с лихвой хватало для просьбы об охране. На базе под Неттуэ свой сильный источник, там уже собраны маги, расчерчены ритуальные круги, да и к Ларку близко, а эти «игрушечки» нужней всего сейчас в армии.

Варрен перечитал письмо. Ах да: источник. Хотел было спросить, но Уген, как почувствовал, встрепнулся и заговорил снова:

— Там такие плетения вокруг источника! Такой ритуальный контур сложнейший, — в голосе смешивались мечта-

тельный восторг и откровенная зависть. — Вы представьте, он мало того что вокруг не расплескивает силу, как любой природный источник... Ах да, вы, может, не знаете? Вокруг источников всегда повышенный фон, новые именно так и входят, и резерв оценивают, или там степень истощения...

— Знаю. — Уж столько-то знать о магии начальник Тайной Канцелярии попросту обязан.

— Ну вот, а тот мало того что совсем не фонит, а еще, наоборот, собирает всю магическую энергию, которая есть поблизости! В трех шагах пройдешь — не заподозришь! Ну и, опять же, брать из него больше можно. Магистр говорит, если такое по всему государству повторить, ограничительный эдикт, конечно, все равно не отменится, но послабления сделать можно будет. А то ведь... ну, сами понимаете.

— Понимаю, — еще бы ему не понимать. — Надеюсь, магистр Вальдих этим займется, если не сейчас, то после заключения мира. Вот что, Уген. Магистр пишет, что у вас поручение не только ко мне, но и в Гильдию. Маги, насколько я знаю, легки на подъем. Когда ваши люди готовы будут выехать?

— Несколько часов, — мальчишка пожал плечами. — К обеду самое позднее.

— В таком случае мы идем к королю прямо сейчас.

— Мы?

— Разумеется. У его величества могут быть к вам вопросы.

— М-м-м... ладно, — Уген вскочил, принялся судорожно приглаживать спутанные волосы, потом, верно, сообразил, в каком непотребном виде его одежда и он сам, и махнул рукой: — Если вы считаете, что прилично показываться на глаза королю... вот таким, то...

— Его величество не вчера родился, — граф невольно усмехнулся, вспомнив некоторые высказывания короля о наведении лоска в ущерб делу. — Он прекрасно знает, что такое военная необходимость. Пойдемте, карета ждет.

Его величество Дионн-Горрент прекрасно знал, что такое военная необходимость. Не вчера родился, в самом деле! Но быть разбуженным посреди ночи только из-за того, что без его одобрения штабные не посмеют отправить на юг резерв... Правильно Ларк честит их всех поголовно ослами в эполетах!

Отдав распоряжения и подкрепив их злобным: «Лично проверю!», — король скривился, посмотрел за окно, где край неба едва начал светлеть, и кивнул гостям:

— Садитесь. Рассказывайте.

После того как фор Циррент в своей неповторимой манере заявил: «Ваше величество, время дорого, сначала вы отдаете приказ о немедленном выступлении на юг гвардейского резерва, а после — объяснения», — его величество злился

бы и средь бела дня, а не в самый глухой час перед рассветом. Не на графа злился бы — на обстоятельства, потребовавшие столь вопиющей непочтительности. Граф фор Циррент — один из немногих, кто понимает, когда придворный политес становится неуместным. Достоин уважения, а не монаршего гнева.

— Сначала прочтите, — фор Циррент протянул письмо, король прибавил света в лампе, пробежался по ровным, но отдающим торопливостью и тревогой строчкам.

— Вот как. Источник, значит. Хорошо. Теперь вы, молодой человек.

Юный ученик магистра отчаянно смущался, да и усталость с дороги в нем чувствовалась, но обсказал все четко и ясно, некоторым министрам не грех бы поучиться. Хороший мальчишка. И хорошо, что не затронут прошлым противостоянием магов и короны, волнуется не о том, кому больше достанется, а о совместной пользе. Надо его запомнить.

Отложив мысли о мальчишке-маге в сторонку, его величество пригляделся к амулетам. Почти все ощущались на самой грани восприятия, почти никак; те, в плетении которых была ментальная составляющая, отзывались его вниманию, но один... Рука сама дернулась к двум половинкам гладко отшлифованного древесного среза. Безделка, в которой ощущается чистая родственная сила, притягивает и сама тянется навстречу.

— Уген, вы увидите магистра по возвращении?

— Конечно, ваше величество. Даже если он не дожидется нас на базе, я, как его ученик, должен буду найти его и отчитаться о поручении.

— Прекрасно. Я прошу вас передать магистру мою благодарность. Я рад, что Короне и Гильдии удалось согласовать свои интересы. И на будущее, чтобы решения, подобные сегодняшнему, не зависели от случайностей, подстерегающих в дороге любого курьера, — король придвинул мальчишке половинку ментального амулета, — передайте магистру вот это. Вторая половина будет у меня. Есть какие-то условия активации?

Мальчишка просиял: понятное дело, тут и его учителю досталось высочайшего благоволения, и Гильдии в целом, да и его самого признали достойным объяснить королю не просто положение дел, а чисто магические тонкости. Много ли надо таким соплякам, чтобы проникнуться гордостью; но хорошо, что у этого — гордость не за себя, а за сделанное дело и за наставника. Вальдих подбирает учеников лучше, чем покойный Страунгер, да и воспитывает достойнее.

Но ответил опять-таки четко, не запинаясь:

— Никаких особенных, ваше величество, просто носите у груди, под рубашкой: нужен контакт с телом. Он настроится на вас за несколько дней. И еще, если не хотите, чтобы работал в чужих руках, можно личную привязку сделать. Это уже сложнее, но я умею.

— Не нужно, — король покачал головой. — Я стар, не

хоронить же его потом со мной. Ларку пригодится. Значит, магистр Вальдих свяжется со мной через несколько дней после того, как получит вторую половину?

— Он сразу свяжется! — пылко ответил Уген. — Вы ведь не маг, ваше величество, а он сможет провести ритуал быстрой настройки.

— И правда. Что ж, значит, жду от него вестей. Не задерживаю вас больше, время дорого. Идите.

Короли Андара никогда не были магами. Корни их способностей к менталистике таились в древнем родовом заклятии, которое вновь подкреплялось для каждого, законно восходящего на трон. И одного заклятия мало, ведь не только из корней состоит могучий дуб. Ларку придется серьезно учиться родовому дару, учиться самостоятельно, методом проб и ошибок: сила Короны Андара действует не совсем так, как традиционные техники магов-менталистов. Впрочем, хорошо, что нынешний Верховный магистр сможет объяснить ему хотя бы азы.

Сейчас его величество Дионн-Горрент был рад, очень рад, что его опасения по поводу нового Верховного магистра остались лишь опасениями. Могли бы сбыться, Гильдия могла бы по-прежнему лишь возмущаться ограничительными эдиктами, спорить с королем и тайно интриговать. Но события повернули другим путем, лучшим и для Короны, и для Гильдии, и для государства. Иногда приятно ошибаться в людях.

Мэтр Фаррес, менталист первой категории и почти «правая рука» нового верховного магистра, рассматривая привезенные Угеном амулеты, ловил себя на крайне опасном, недостойном чувстве. Зависть, самая настоящая, черная и лютая зависть к тем, кто придумал и воплотил такие невероятные, изящные, действительно волшебные решения. Пока они здесь возмущались ограничительными эдиктами и без толку спорили с королем, Гильдия в Одаре искала и, очевидно, нашла способ заменить количество магии — качеством.

Глядя на тонкие плетения чар, простых по отдельности, но вместе — дающих совершенно неожиданные эффекты, достойный мэтр ощущал себя бездарью и непроходимым кретином.

Мальчишка Уген уже рассказал ему все, что знал сам и что велел передать магистр, от капитана королевской гвардии прискакал гонец с запиской, уточняющей время выступления, немногие остававшиеся в столице маги собрались в путь. Но что делать ему? С одной стороны, магистр оставил его за себя рядом с королем. С другой — судьба Андара решается сейчас на юге, здесь же его величеству не слишком нужны услуги магов. Тем более что как менталист король на две головы выше даже, наверное, магистра, а уж заурядного, в сущности, мага...

«Будь честен хотя бы с собой, — осадил себя мэтр Фаррес, — ты не знаешь, когда, как и зачем можешь потребоваться здесь. Никто не знает. Потому магистр и оставил здесь того, кто, может быть, не хватает звезд с неба как маг, но способен быстро принимать решения. В конце концов, кто-то другой наверняка опоздал бы с теми ворами», — вспомнив дерзкое ограбление гильдейской библиотеки, мэтр немного успокоился. Был повод гордиться: лишь немедленным обращением к его величеству удалось поймать воров до того, как те передали бесценные раритеты заказчику, а ведь это было нелегкое и неочевидное решение. Значит, именно здесь он на своем месте и приносит необходимую пользу Гильдии. И нужно делать то, на что способен, а не гнаться за собственными желаниями в ущерб общим интересам.

Но хотелось, как же хотелось бросить все и мчаться на юг, обгоняя собранный отряд! Лишь затем, чтобы увидеть своими глазами, как творится незнакомая магия... увидеть, понять и научиться! Потому что маг, который за сиюминутными интересами, своими, Гильдии или короны, не суть важно, перестает стремиться к новым знаниям, уже не маг, а презренный ремесленник из тех, что всю жизнь клепают одно и то же.

В таком вот душевном раздрае и застал его прибывший в Гильдию граф фор Циррент.

С начальником Тайной Канцелярии мэтру Фарресу приходилось пересекаться еще при прежнем магистре, и вос-

поминания о той встрече остались не слишком приятные. Впрочем, тогда отношения Гильдии с короной вряд ли настроили бы вернейших сподвижников его величества на доброжелательное общение с магами, теперь же — дело иное. И мэтр Фаррес приветствовал нежданного гостя со всей почтительностью.

Граф коротко поклонился в ответ. Сказал:

— Время дорого, не буду ходить кругами. Вы собираетесь на юг, мэтр? Лично вы?

— Вы застали меня в процессе решения этого вопроса, — неловкость ответа не ускользнула от фор Циррента, как, похоже, и все те сомнения, которые достойный мэтр предпочел бы скрыть от посторонних глаз.

— Поезжайте, — просто сказал он. — Там и вам будет интересно, и от вас толку больше, а здесь мы присмотрим. Его величество считает, что для мага вашего уровня полезно взглянуть лично на все то, о чем сообщил магистр. Только скажите, к кому обратиться в Гильдии в случае чего.

По старой, оставшейся со времен Страунгера привычке первым на ум пришло: «Не королю и Тайной Канцелярии решать, что полезно магу!» — но тут встало перед глазами лицо короля, когда они вместе искали след воров в огромном, бурлящем и, чего уж там, опасном для «мага его уровня» ментальном поле столицы. Вспомнился мягкий, негромкий голос: «Вы все правильно сделали, мэтр Фаррес». «Сейчас принесут обед. Вам нужно восстановить силы». «Будет

лучше, если воров и все, что они имели дерзость похитить, отыщут при вашем личном участии».

— Я с радостью приму совет его величества. С тем большей радостью, что и сам желал этого, но не решался оставить столицу. Но... вы уверены?

— Вполне уверен, — углы губ фор Циррента дернулись в короткой улыбке. — Находки на юге важны не только для Гильдии, но и для государства. Не годится нашим магам отставать от вражеских, верно?

— Вы правы, — от души согласился мэтр Фаррес. И поймал себя на том, что совершенно, до глупости счастлив.

ГЛАВА 5, в которой далекая война сначала мешает делам любовным, а затем помогает

— Знаете, тетушка, я как-то совершенно, до глупости счастлива, — Женя внимательно осмотрела себя в зеркале, поправила кружевную накидку, сколотую подаренной Варреном янтарной брошью. Наверное, если до сих пор видела бы магию, скромная брошь сияла бы от защитных чар. — Даже страшно делается.

— Отчего страшно? — тетушка Гелли удивилась, похоже, вполне искренне. Суеверия родного мира здесь «не работали», а местными Женя пока еще не прониклась, и такие вот моменты недопонимания случались с обидной регулярностью. — Ты любишь Варрена, он — тебя, что в этом пугающего? Постой, ты ведь не боишься, м-м-м, собственно супружеской жизни?

Женя невольно рассмеялась:

— Не боюсь. Разве что разочаровать мужа, но с этим страхом, наверное, ничего не сделать. Как говорят у нас, «не попробуешь — не узнаешь».

— Поверь, дорогая моя, мужчина, способный ни с того ни с сего разочароваться в своей избраннице, не стоит внимания. Варрен не из таких. Не стоит сомневаться в своем сча-

стве и тем более бояться его. Ну? — она шутливо щелкнула Женю по носу, как ребенка. — Что за глупые страхи?

Отражение в зеркале насупилось, и Женя сердито отвернулась: «держать лицо» у нее пока что никак не получалось, очень уж живая мимика. А страхи и правда глупые, будто она сама не понимает! Но вот, оказывается, бывает и так: умом все понимаешь, а на сердце кошки скребут.

— Как будто это не к добру, — чуть слышно призналась она. — Как будто нельзя быть такой счастливой, а то беду накличешь.

— Вот уж ерунда! Человек рожден для счастья.

— Угу, как птица для полета, — припомнила Женя классика. — А дядюшка опять ночевал на работе. И это мне еще везет, я понимаю. Он, по крайней мере, в столице, а не где-то неизвестно где между севером и югом. И как вы за своего адмирала не боитесь?

— Я знаю, что все будет хорошо, — тетушка улыбнулась незнакомой Жене мечтательной улыбкой. Она была сегодня дивно красива, в голубовато-сизом атласном платье, украшенном жемчугом, со сложной прической, открывающей гордую шею, и, главное, с искрящимися счастьем глазами, которые делали ее лет на десять моложе. — А что это ты Варрена все еще называешь дядюшкой?

Щеки загорелись от смущения. «И правда что, — мысленно согласилась Женя, — еще не хватало законного мужа дядюшкой припечатать, вот уж стыд!»

— Привычка. Общаться больше нужно, тогда скорее отвыкну. Ничего, на собственную свадьбу он, надеюсь, вырвется. Ну что, идемте? Ваши подруги, наверное, вот-вот начнут съезжаться.

Объявленный двумя пока еще виконтессами фор Циррент званный вечер «только для дам» Женя про себя обозвала девичником. Эдакий сеанс предсвадебных сплетен, переживания косточек мужчинам вообще и обоим будущим мужьям в частности, куча сомнительной полезности советов для «нашей милой Джегейль», которые придется выслушивать с самым серьезным выражением лица. А заодно — планы на будущие союзы, ведь у приглашенных дам хватает сыновей и дочерей, племянников и племянниц, а мужчины, как всем прекрасно известно, слишком часто рвутся устраивать их судьбу при полном неумении и непонимании «как лучше». Женя подавила смешок: да уж, знали бы мужчины! В последнее время, к примеру, среди тетушкиных приятельниц стало модным подбирать невесту для Реннара фор Гронтеша. Как же, «милому мальчику пора остепениться», а тут, пожалуйста, аж целая будущая мачеха под рукой!

И все-таки жаль, что нельзя подхватиться и сбежать к Варрену на работу...

— И все же согласитесь, дорогая моя, Реннару пора осте-

пениться! Для подвигов и авантюр есть война, а все эти его эскапады... — Дариана фор Ганц повела рукой, заменяя выразительным жестом не сказанные вслух слова осуждения. — Вот вернется, и пора, пора будет задуматься о женитьбе.

— Как его будущая мачеха, — Гелли сделала паузу, изо всех сил стараясь сохранить серьезное лицо, — я полагаю, лучше оставить этот вопрос отцу молодого человека. — И все-таки не удержала смехок: — Сам воспитал, сам пусть и мучается. Я более чем уверена, что уговорить Рени жениться — подвиг, достойный героя, а не скромной тихой женщины.

Рядом тихонько хихикнула Джегейль. Да, вот уж кто совершил подвиг, поймав в сети супружества закоренелого холостяка Варрена! Конечно, не без помощи Гелли, но все же. Наконец-то братец будет счастлив, а у фамилии фор Циррент появится наследник. Впрочем, о наследнике думать рано... пока еще рано.

— Закончилась бы скорее война, тогда и разговоры о свадьбах станут не пустыми, — вздохнула Розалия. Ее услышали: над беззаботной дамской компанией словно холодная тень прошла, сбив голоса, приглушив смешки. Гелли поймала сразу несколько сочувственных взглядов: ее жених уж точно будет на самом пике военных действий, это все понимали. Джегейль взяла ее за руку:

— Все хорошо будет, тетушка.

Гелли тихо вздохнула: на самом деле тревога не отпускала ее, скреблась тихонько в самой глубине души, приходи-

ла неясными пугающими сновидениями по ночам и минутной растерянностью днем. Жутковатое сочетание: искрящееся, яркое счастье и темная тревога.

— Конечно, деточка, все будет хорошо. Никогда не сомневайся в своем мужчине, мой тебе совет. Ах, дамы, да что это мы! Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Вы слышали о новом модном веянии в Линде? «Письма любви»!

— Разврат! — отрезала Дариана. — Хотя чего еще ждать от этих... этих! Уж если даже нашему послу пришлось вступить оружием за честь племянницы, простите, милая Джегейль...

Историю с дуэлью графа ди Скавалля «за честь племянницы» разнесли тирусские газеты, а вслед за ними и андарские, изрядно при этом переврав. Если верить газетчикам, юную виконтессу фор Циррент едва не похитил прямо с бала титулованный мошенник и проходимец, намереваясь силой заключить брак со столь выгодной невестой. Джегейль представала невинной жертвой: все же куда полезней для здоровья вопрошать, куда катится дворянство сопредельной державы, чем бросать хоть малую тень на племянницу главы Тайной Канцелярии.

— Ах, не извиняйтесь! — тут же подхватила Джегейль. — Дядюшка Винсенн так рисковал. Но он меня буквально спас! В самом деле, докучать девушке на балу, на глазах у всего общества, и при этом чувствовать себя совершенно безнаказанным! Я уже после узнала, что этот, простите, образчик

извращенно понимаемой мужественности не в первый раз компрометировал девушек, и решительно не понимаю, отчего никто не вызвал его раньше.

Гелли кивнула: для всех — соглашаясь с племянницей, а для Джегейль — одобряя сказанное. Поездка в Линд пошла той на пользу. Теперь витиеватый и полный скрытых намеков стиль салонных бесед и пикировок давался ей куда легче, держаться в обществе стала увереннее, и временами, пока еще нечасто, появлялся тот слегка отстраненный, ироничный взгляд, которым сводила мужчин с ума Цинни. Право же, и не вспомнишь, что на самом деле деточка фор Циррентам не родня!

Вечер был спасен. Розалия припомнила самые скандальные из дуэлей Реннара, при этом посмотрев на Гелли с неприкрытым, но слегка ехидным сочувствием, Дариана пожаловалась на своих племянников, из которых Дастин ди Ланцэ был единственным здравомыслящим, а остальные... Лейтенант Бертон фор Ганц, провожавший Джегейль в Линд и едва не вызвавший там ди Скавалля. Порученец во флоте Кэллен фор Ганц, в свои семнадцать уже победивший на трех дуэлях. Даже ученик из Гильдии магов, мальчишка четырнадцати лет, ухитрялся регулярно вступать в неприятности — не иначе, кровь сказывалась. Ну а от дуэлей уже легко было перейти к делам любовным, которые хоть и страдали из-за отсутствия самых завидных кавалеров, но вспомнить былое и помечтать о будущем никогда не вредно, правда?

И перемыть косточки мужчинам, и посетовать на их недалекость и неловкость в любви, на пристрастие к авантюрам, и признаться, что за то самое пристрастие к авантюрам иных и любят...

Пристрастие к авантюрам категорически не приветствуется среди агентов Тайной Канцелярии. То, что позволительно, а иногда и желательно на поле боя, неприемлемо в делах, которые должны вершиться тихо, незаметно и без огласки. Склонность выбирать из всех возможных путей самый опасный, а из возможных решений самое рискованное, если только оно сулит большой успех, слишком многих приводила к печальному концу. И ладно бы сами гибли ни за медяшку, так ведь и других за собой тянут, и дело от таких «героев» страдает!

Но во всем есть исключения; именно таким исключением был Лодиас Шоррент. Он умудрялся не просто выбрать самый опасный путь, но и заложить на нем крутой вираж с еще более опасным решением, и все равно остаться в выигрыше. Он рисковал, иногда — безумно рисковал, но в итоге риск оказывался разумным и оправданным. Впрочем, фор Циррента примиряли с манерой работы Шоррента не столько вполне благополучные результаты его выходов, сколько то, что тот всегда учитывал возможность проигрыша. В кон-

це концов, если однажды по твоей милости тайны короны станут известны врагу, тебя не оправдают прежние успехи.

Поэтому очередной отчет Шоррента об очередной опасной аванюре фор Циррент прочел спокойно. Да и не столь уж она была опасна по сравнению с некоторыми прошлыми выходками. Встретить в собственной спальне лучшего из наемных убийц Тириссы — именно убийц, а не бретеров, обезоружить его, нажать и дожать, не применяя «чрезвычайных способов», выведать информацию о заказчиках и тут же запустить ответный план, а убийцу не просто убрать, но пристроить к делу на благо Андара — право, какие пустяки!

Еще раз перечитав копию выданного Ржавому Боше рекомендательного письма, фор Циррент кивнул и придвинул к себе писчий набор. Коменданта Неттуэ следовало предупредить о таком полезном, но своеобразном госте. А заодно и его высочество Ларка проинформировать.

Курьер на юг отправился уже через час, а фор Циррент вернулся к отчету Шоррента. Отправленный в Неттуэ Ржавый Боше был не единственным и даже не самым выгодным итогом операции, которую Шоррент цинично назвал «ночь на двоих». Куда важнее были два трупа, вынесенные прибоем на берег спустя пару дней: лица покойничков не опознал бы и лучший маг, одежду и украшения убийцы с них сняли, но своеобразный оттенок кожи у одного и шрам у другого, а также исчезновение двух представителей одарской торговой компании говорили сами за себя. Шоррент и ди Скавалль тут

же перехватили контракты одарцев с тирисскими поставщиками, промышленниками и перекупщиками, и теперь интересовались, куда направлять грузы. И, вроде, Тайной Канцелярии только не хватало еще и торговые дела на себя навесить. Но, с другой стороны, речь не о шелках и бархате, а о древесине и стали, пеньке и канатах, зерне, рыбе и соли... И отправлять нужно не «куда поближе» или «где заплатят больше», а туда, где все это необходимо для армии.

Список уже отправленных в Андар грузов, список предложений с ценами и возможными скидками, заявки с верфей и с армейских складов, от флотских и армейских интендантов... Ни в штаб, ни в королевскую канцелярию не перенаправишь, хотя, если рассудить здраво, это куда больше по их части. Но доверять им секретную часть сведений — нет, фор Циррент еще не сошел с ума.

Хорошо бы и здесь завести человека вроде Шоррента, который взял бы на себя все эти поставки, подсчеты, векселя и обязательства, уведомления и запросы... Пусть без переговоров, переговоры не всякому доверишь, но хотя бы бумажную работу. Иначе, пожалуй, бедолага Варрен фор Циррент рискует до конца войны стать заправским счетоводом, а заодно позабыть дорогу к собственному дому! Счастье, что хотя бы невеста не ревнует его к государственной службе.

К слову о невесте... фор Циррент потерял глаза, отложил отчет и задумался. Мысль, мелькнувшая на самой грани сознания, была странной. Даже не мысль, а отголосок, воспо-

минание о давнем изумлении, когда Джегейль рассказывала о своей жизни в родном мире. Он даже не был уверен, что помнит верно, что ее жалобы о работе не приснились ему в каком-нибудь кошмаре.

Однако зачем гадать, когда можно спросить? Граф фор Циррент спрятал бумаги в сейф, запер кабинет и велел закладывать карету. Сегодня он будет ужинать и ночевать дома.

— Наконец-то ты ужинаешь дома, — Жене все еще неловко было говорить Варрену «ты», но когда-то же нужно начинать? — Я, конечно, не ревную тебя к государственной службе, но беспокоюсь. Иногда и спать надо!

— К слову о государственной службе, — Варрен взял ее руку, поднес запястье к губам. В легком, почти невесомом поцелуе ощущалась нежность и искренность. — Пойдем-ка в кабинет, дорогая.

Женя улыбнулась, потянулась поцеловать в ответ — скромно, в щеку.

— Ох, колючий! И что мы будем делать в кабинете? Заниматься государственной службой?

По меркам этого мира вопрос был на грани фола, и Варрен взял ее под локоть чуть сильнее, чем следовало. Тетушка Гелли приподняла брови, но смолчала. Жене даже интерес-

но стало, она догадывалась, о чем таком конфиденциальном Варрен хотел поговорить, или просто одобряла любой повод для них двоих побыть наедине?

Что ж, ответ Женя получила сразу же: Варрен выложил на стол пачку бумаг и заговорил — далеко не так спокойно, как говорил обычно. Вряд ли тетушка могла предугадать настолько специфическую тему для беседы. Женя и сама не поверила бы, что ее жених и по совместительству работодатель догадается предложить ей такую работу!

Выслушав прочувствованную речь Варрена о новой проблеме его лично и Тайной Канцелярии вообще, Женя тихонько погладила его по небритой щеке:

— Бедный мой. Утонуть в бумажках — это ужасно. Особенно для мужчины вроде тебя. Почему у вас до сих пор не придумали должность секретарши? Хотя нет, это хорошо, что не придумали, я бы ревновала.

— У нас есть секретари.

— Это немного не то. Ну, неважно. Говоришь, принес домой самое срочное? Покажи.

Просмотрела пачку бумаг и, не удержавшись, почесала в затылке.

— Я же не логистик. И о том, где у вас какие склады, верфи и тем более армейские части, и по каким дорогам к ним удобно довести грузы, вообще ничего не знаю. Поэтому «что, куда и как скоро», то есть вот это все, — передала Варрену несколько писем и списков, — не ко мне. Но посмотреть все

твои бумаги, рассортировать, свести вместе предложения и заявки — много ума не надо, только время и аккуратность. Посчитать, что нужно, дебет с кредитом свести, векселя по датам разложить — тоже без проблем. Короче говоря, прямо сейчас я тебе могу помочь вот с этим, — на самом деле оставшаяся в ее руках пачка счетов особо сложной работы не требовала, пересчитать в столбик десятков-полтора цифр на каждой бумагульке, а потом подбить общий баланс — задача для второклассника. Но не говорить же этого бедному, замотанному непривычными бумагами начальнику Тайной Канцелярии! Женя улыбнулась пришедшему в голову сравнению и подарила жениху еще один легкий, утешающий поцелуй. — Я готова приступить к работе завтра с утра, и спасибо, что вспомнил обо мне. Сплетни под чаек собирать, конечно, бывает забавным, но все-таки...

Варрен поймал ее за плечи, не дав отстраниться, и рассмеялся:

— Я помню, ты говорила, что в твоём мире такое не уважают. Но, согласись, просто сплетни и сплетни, меняющие судьбу государства — немного разный уровень.

— Хорошо, согласна. Давай я посчитаю это все, и пойдем ужинать, — как ни приятно было бы побыть с женихом наедине, но Варрен выглядел не просто усталым, а измотанным. Раз уж вырвался домой, пусть хоть поест нормально и выспаться хотя бы попробует. — Лист бумаги и карандаш одолжишь?

Варрен выдернул из писчего набора остро заточенный карандаш и лист плотной бумаги, слишком хорошей, по мнению Жени, для черновиков, но дешевки в доме фор Циррентов не держали. Ну что ж, рассортировать счета к заявкам, и — за сложение и умножение.

Меньше чем через полчаса все было готово. Варрен что-то черкал на своих списках, когда Женя положила перед ним начисто переписанный лист с общими итогами. Несколько секунд он, похоже, не мог понять, что перед ним, и лишь затем, подняв голову, посмотрел на Женю совершенно ошалевшим взглядом:

— Идеально. Дорогая, ты меня спасаешь!

— Исключительно ради себя, — пошутила Женя. — Как любая уважающая себя женщина, которая имеет виды на любимого мужчину. Забудь ненадолго о работе, это полезно, и пойдем в столовую, тетушка наверняка ждет.

О чем можно говорить за ужином, если хочешь, чтобы дорогой тебе мужчина переключил мозги и отдохнул, а все возможные темы так или иначе связаны с грызущими его проблемами? Никогда раньше Женя не задумывалась о таком, а зря. Тетушка Гелли расспрашивала о положении дел на юге, о том, где сейчас может быть адмирал Гронтеш — интерес понятный, она тоже беспокоилась за любимого. Варрен рассуждал о соотношении сил, почему-то трижды повторил, как рад, что познакомил «нашу Джегейль» с принцем Ларком, что из этого знакомства вышел толк и польза для короны.

Уже под конец ужина, так и не придумав подходящую тему, Женя спросила:

— А Цинни и дядюшка Винс приедут на свадьбу?

Варрен замер на полуслове, покачал головой:

— Жаль тебя огорчать, дорогая, но отозвать посла из Тириссы, пока идет война, пусть даже ненадолго — недопустимо. Цинни, разумеется, приедет, но Винсенн...

«Ну вот, — подавила вздох Женя, — и здесь война всплыла, никуда от нее не деться».

— Жаль. Ну ладно, что делать. Хорошо, что хоть я к ним съездила, познакомились.

— Я тоже рад, — Варрен встал, обошел стол и поцеловал Жену руку. — Спокойной ночи, мои милые дамы. Я еще немного поработаю. Джегейль, завтра — сразу после завтрака.

— Конечно, дорогой, — радостно улыбнулась Женя. Ответить именно так, по-семейному, оказалось немного весело и очень, очень приятно. И Варрену, кажется, понравилось.

Этой ночью она долго не могла заснуть, а когда заснула, привиделся давно уже позабытый начальник, рассуждающий о том, что любой расчет себестоимости должен включать в себя расходы на подкуп, шантаж и шпионскую деятельность. Женя кивала и вносила в таблицу все новые и новые колонки, а любимое начальство, в какой-то момент оказавшееся вдруг дядюшкой Винсом, никак не унималось:

— Представительские расходы. Похоронные. То есть как

— какие похоронные, понадобится тебе похоронить конкурента, и на какие деньги тебе его замочат? Не за «спасибо» же. Жалованье агентам влияния внесла? А информаторам? И капитанов не забудь!

— И таможенников? — убито спросила Женя.

— Ох, как я мог забыть! Умница, племянница, моя школа.

Рассвет Женя встретила с облегчением. Давно ей не снилось такой дурацкой ерунды, даже не по себе стало. Эх, сейчас бы кофе, большую кружку!

Но пришлось обходиться крепким чаем, и в карете по пути к Тайной Канцелярии Женя клевала носом. Вскидывалась, когда колесо натыкалось на особенно крупный булыжник и карету встряхивало, смотрела в окно, зевала и вновь прикрывала глаза, удобно устроив голову у жениха на плече.

— Мне казалось, что ты рано встаешь, — в очередной раз придержав Женю на ухабе, Варрен наконец догадался обнять ее покрепче. — Если тебе неудобно это время...

— Удобно! — перебила Женя. — Просто спала плохо, кошмары замучили. Слишком обрадовалась, наверное.

— Кошмары оттого что обрадовалась, — выразительно произнес Варрен.

— Да, и в самом деле, смешно звучит, — согласилась Женя. — Ничего, все в порядке будет. Знал бы ты, с какого недосыпу мне случилось дома на работу ползти, и ничего.

Так и продремала всю дорогу; кажется, Варрен даже велел ехать потише...

Кабинет начальника Тайной Канцелярии ничуть не изменился с того дня, как Женя впервые здесь очутилась. Натертый до блеска паркетный пол, обшитый багряным бархатом диван с вычурной резной спинкой, резное бюро, шкаф с бумагами, массивный стол, хрустальная люстра, широкое окно, которое Варрен тут же распахнул настежь. Тигриная шкура, закрывавшая дверь в крохотную спальню, тоже никуда не делась, и Женя улыбнулась, поддавшись минутной ностальгии:

— А ведь получается, что я попала в твою постель в первую же ночь здесь.

— Вам, женщинам, обязательно подавай мистические совпадения, — проворчал Варрен. Или уже не Варрен, а граф фор Циррент — на рабочем месте ничего личного?

Женя устроилась за откидным столиком бюро — отпустить невесту от себя дальше, чем на три шага, Варрен, очевидно, не собирался. Выложил перед ней неровные стопки бумаг, спросил:

— Может, чаю? У меня здесь есть бодрящий из Тириссы.

— Непатриотично, зато действенно? — не смогла не подпустить шпильку Женя. — Я с удовольствием. Спасибо, родной мой. Или лучше: «Благодарю вас, господин начальник»?

В конце концов, чай в офисе — это святое!

ГЛАВА 6, в которой сухопутные офицеры знакомятся с морской магией

— Не слишком патриотично, зато действенно, — адмирал Гронтеш подкинул на ладони погодный амулет и спрятал его в карман. — Туман продержится два часа, за это время мы успеем пройти опасный участок незамеченными. Они, конечно, заподозрят неладное, но мало ли кто мог напустить здесь туману.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.